

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

КОГДА

КЕЙТЛИН ДАУТИ

ДЫМ

ПОХОРОННЫЙ ЭКСПЕРТ

ЗАСТИЛАЕТ

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ
ЭТОЙ КНИГИ НИЧЬЯ
ПСИХИКА НЕ ПОСТРАДАЛА

ГЛАЗА

ПРОВОКАЦИОННЫЕ ИСТОРИИ О СВОЕЙ ЛЮБИМОЙ
РАБОТЕ ОТ СОТРУДНИКА **КРЕМАТОРИЯ**

Кейтлин Даути

**Когда дым застилает глаза:
провокационные истории
о своей любимой работе
от сотрудника крематория**

«ЭКСМО»

2014

УДК 393.05.3
ББК 63.5

Даути К.

Когда дым застилает глаза: провокационные истории
о своей любимой работе от сотрудника крематория /
К. Даути — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-95292-2

Кто бы мог подумать, что сотрудником крематория может стать молодая девушка, да еще и написать о своей работе захватывающую книгу! Кейтлин Даути управляет похоронным бюро в Лос-Анджелесе и ведет популярный YouTube-блог, где рассказывает о своей работе, интересных фактах и мифах, ритуалах погребения разных стран. В этой книге Кейтлин повествует о своих буднях, ежедневных действиях, помощи родственникам усопших, размышляет об отношении общества и даже делится профессиональными секретами. Описывая свой путь к этой профессии, она приводит кучу интересных фактов, например, сколько весит прах человека, можно ли чем-нибудь заразиться от трупа.

УДК 393.05.3
ББК 63.5

ISBN 978-5-699-95292-2

© Даути К., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

От автора	6
Как я брила Байрона	7
Щенок-сюрприз	12
Глухой удар	19
Зубочистки в желе	25
Нажми на кнопку	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кейтлин Даути

Когда дым застилает глаза: провокационные истории о своей любимой работе от сотрудника крематория

Caitlin Doughty

SMOKE GETS IN YOUR EYES: AND OTHER LESSONS FROM THE CREMATORY

Copyright © 2014 Caitlin Doughty

All rights reserved

First published as a Norton paperback 2015

© Банников К.В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*Моим дорогим друзьям,
Таким верным и великодушным,
Ужасное хайку¹.*

¹ Хайку – национальная японская форма поэзии, жанр поэтической миниатюры. – Прим. ред.

От автора

Согласно сведениям журналиста-свидетеля, Мата Хари, знаменитая экзотическая танцовщица, которая занималась шпионажем во время Первой мировой войны, отказалась надеть повязку на глаза, когда в 1917 году французы вели ее на расстрел.

– Мне обязательно это надевать? – спросила Мата Хари своего адвоката, как только увидела повязку.

– Если мадам не хочет, это ничего не изменит, – ответил офицер, поспешно отворачиваясь.

Мату Хари не стали связывать и надевать повязку ей на глаза. Она смотрела своим мучителям прямо в лицо, когда священник, монахини и юрист отошли в сторону.

Нелегко взглянуть смерти прямо в глаза. Чтобы избежать этого, мы предпочитаем носить повязки, прячась в темноте от реалий смерти и умирания. Однако незнание – это не благословение, а лишь еще более сильный страх.

Можно всячески избегать контакта со смертью, храня мертвые тела за дверями из нержавеющей стали и оставляя больных и умирающих в больничных палатах. Мы так стараемся прятаться от смерти, что возникает ощущение, будто мы первое поколение бессмертных людей. Однако это не так. Ни для кого не секрет, что однажды мы все умрем. Как сказал великий культурный антрополог Эрнест Беккер, «идея смерти и страх перед ней преследуют человека, как ничто другое». Именно из-за страха смерти мы строим соборы, рожаем детей, объявляем войну и смотрим в интернете ролики про кошек в три часа ночи.

Смерть управляет всеми нашими созидательными и разрушительными поступками.

Чем скорее мы осознаем это, тем лучше мы сможем понять самих себя.

Эта книга описывает первые шесть лет моей работы в американской похоронной индустрии. Если вы не хотите читать реалистичные описания смерти и мертвых тел, то, скорее всего, вы наткнулись не на ту книгу. Истории здесь правдивы, а люди реальны. Некоторые имена и детали (но не те, что непристойные, обещаю) были изменены, чтобы сохранить конфиденциальность некоторых людей и защитить личность усопших.

Внимание!

Территория с ограниченным доступом.

Кодекс правил штата Калифорния

Заголовок 16, раздел 12, статья 3, секция 1221

Уход за усопшим и подготовка к похоронам.

(а) Уход за усопшим и подготовка к похоронам (или другим вариантам распоряжения человеческими останками) должны быть строго конфиденциальными...

Предупреждающий плакат о требованиях к подготовке к похоронам

Как я брила Байрона

Девушка никогда не забудет первое тело, которое она побрила. Это единственный момент в ее жизни, который можно назвать даже более неловким, чем первый поцелуй или потерю невинности. Стрелки часов двигаются мучительно медленно, когда ты стоишь над мертвым телом пожилого мужчины, сжимая в руках розовый пластиковый бритвенный станок.

В освещении ламп дневного света я смотрела на бедного неподвижного Байрона в течение целых десяти минут. Так звали этого мужчину, по крайней мере, это имя было указано на ярлычке, свисающем с большого пальца его ноги. Я не знала, как воспринимать его, как мужчину или как тело, но мне казалось нужным как минимум узнать его имя до того, как я начну проводить очень интимные процедуры.

Байрон был 70-летним мужчиной с густыми белыми волосами, произраставшими на его лице и голове. Он был обнаженным, не считая простыни, обернутой вокруг нижней части его тела. Не знаю, что прикрывала эта простыня. Наверное, она требовалась, чтобы сохранить посмертное достоинство человека.

Его глаза, устремленные в бесконечность, стали плоскими, словно спущенные воздушные шары. Если глаза возлюбленного – это чистое горное озеро, то глаза Байрона были болотом. Его широко раскрытый рот замер в беззвучном крике.

– Эм, Майк! – позвала я своего нового начальника. – Правильно ли я понимаю, мне нужно воспользоваться кремом для бритья, или как?

Майк зашел в комнату, достал из металлического шкафчика банку пены для бритья и попросил меня быть осторожной.

– Будет сложно что-то исправить, если ты раскроишь ему лицо. Будь аккуратна, договорились?

Да, аккуратной. Нужно быть не менее осторожной, чем в прошлые разы, когда я брила людей. Хотя этого со мной еще никогда не случалось.

Натянув резиновые перчатки, я поднесла станок к холодным и твердым щекам Байрона, покрытым густой щетиной. Мне совсем не казалось, что я делаю что-то важное. Я всегда думала, что работники моргов должны быть профессионалами своего дела, умеющими делать с усопшими то, что остальные не могут. Интересно, догадывались ли члены семьи Байрона, что 23-летняя девчонка без опыта работы бреет лицо дорогого им человека?

Закрыть Байрону глаза у меня не вышло, потому как его морщинистые веки не слушались и снова поднимались, словно он хотел наблюдать за тем, как я его брею. Я попробовала еще раз. Безрезультатно. «Эй, Байрон, мне наблюдатели не нужны!» – сказала я, но никто мне не ответил.

То же самое происходило и со ртом. Я закрывала его, но он оставался в таком положении всего несколько секунд, после чего челюсть снова падала. Что бы я ни предпринимала, Байрон не хотел делать то, что полагается каждому джентльмену, то есть бриться. В итоге я неуклюже намазала его лицо пеной для бритья, напоминая самой себе годовалого ребенка, рисующего пальцами.

В процессе работы я пыталась убедить себя в том, что это просто мертвый человек. Всего лишь гниющее мясо, Кейтлин. Туша животного.

Однако эта техника убеждения не оказалась эффективной: Байрон был не просто гниющим мясом. Он также был благородным и волшебным существом, вроде единорога или грифона, объединяя в себе нечто внеземное с мирским.

К тому моменту, как я осознала, что эта работа не для меня, было уже слишком поздно. Я уже не могла уклониться от бритья Байрона. Вооружившись розовым станком и издав

высокий звук, различимый лишь собаками, я поднесла его к щеке. Так началась моя карьера парикмахера мертвецов.

Еще утром того дня я совсем не думала, что мне придется брить тела. Конечно, я понимала, что буду иметь дело с трупами, но не догадывалась, что мне нужно будет брить их. Это был мой первый рабочий день в семейном похоронном бюро «Вествинд: кремация и захоронение».

Проснувшись я рано, чего со мной никогда до этого не случалось, натянула брюки, которые до этого вообще не носила, и надела массивные кожаные ботинки. Брюки были слишком короткими, а ботинки чересчур большими. Выглядела я нелепо, но в свою защиту могу сказать, что у меня не было определенного понятия о том, как полагается выглядеть работнику, сжигающему мертвых людей.

Когда я вышла из своего дома на Рондел Плэйс, солнце только вставало. В его лучах поблескивали выброшенные иглы и испаряющиеся лужи мочи. Бездомный мужчина, одетый в балетную пачку, тащил вдоль аллеи старую автомобильную шину. По всей вероятности, он намеревался смастерить из нее унитаза.

Когда я впервые очутилась в Сан-Франциско, мне нужно было три месяца, чтобы найти жилье. В конце концов я встретила Зоуи, лесбиянку и студентку юридического факультета, которая сдавала комнату. Мы стали жить вместе в ее ярко-розовом дуплексе² на Рондел Плэйс. С одной стороны нашего славного дома была мексиканская закусочная, а с другой – «Esta Noche», бар, знаменитый латиноамериканскими трансвеститами и оглушающей национальной музыкой.

Когда я шла вдоль Рондел по направлению к железнодорожной станции, ко мне подошел мужчина, распахнул пальто и показал свой пенис.

– Что ты об этом думаешь, сладкая? – спросил он меня, радостно размахивая своим достоинством.

– Эх, парень, могло бы быть и получше, – ответила я. Его лицо сразу помрачнело.

На скоростном поезде я добралась до Окленда, и мне оставалось пройти несколько кварталов до «Вествинда». Вид на мое новое рабочее место, который открылся мне спустя десять минут ходьбы от станции, был удивительным. Не знаю, чего я ожидала от похоронного бюро (может, я думала, что оно будет похоже на гостиную моей бабушки с несколькими печами), но из-за металлического ограждения оно выглядело вполне нормально. Обычное белое одноэтажное здание, которое вполне могло сойти за страховую компанию.

Рядом с воротами была небольшая табличка с просьбой звонить в звонок. Собравшись с духом, я позвонила. Через мгновение дверь со скрипом распахнулась, и на пороге показался мой новый начальник Майк. Я уже видела его однажды и ошибочно решила, что он абсолютно безвреден: лысеющий мужчина за сорок, среднего роста и веса, одетый в штаны камуфляжной расцветки. Однако, несмотря на его дружелюбные штаны хаки, Майк в то утро выглядел пугающе. Он пристально оценивал меня взглядом из-под очков, и весь вид его говорил о том, как он жалеет, что нанял меня.

– Доброе утро, – сказал Майк тихим, невыразительным голосом, словно эти слова должен был слышать только он. Он открыл дверь и ушел.

Спустя несколько неловких мгновений я поняла, что мне следует идти за ним: зайдя в помещение, я несколько раз повернула за угол. В коридорах слышался приглушенный рев, который постепенно становился все громче.

Мы прошли в большое складское помещение, откуда и раздавался этот рев: внутри стояли две большие, но приземистые машины, расположенные в самом центре комнаты, как

² Дуплекс – это дом, состоящий из двух секций, объединенных одной крышей и боковыми стенками и рассчитанный на две семьи. – Прим. ред.

Траляля и Труляля смерти, сделанные из рифленого металла. Из них выходили трубы, которые шли вверх, сквозь крышу. У каждой машины была металлическая дверь, открывавшаяся наверх.

Я поняла, что передо мной стояли печи для кремации. Там, прямо в эту самую минуту, находились люди, мертвые люди. В тот момент я еще их не видела, но осознание того, что они рядом, меня взволновало.

– Все эти печи для кремации? – спросила я Майка.

– Они занимают все помещение. Было бы странно, если бы это были не печи для кремации, не так ли? – ответил он, выходя в ближайшую дверь и снова оставляя меня одну.

Что такая милая девушка, как я, делает в этом месте? Никто в здравом уме не предположил бы работу с мертвыми посту, скажем, банковского служащего или воспитательницы детского сада. Скорее всего, устроиться банковским клерком или воспитательницей мне было бы гораздо легче, ведь в индустрии смерти очень подозрительно относились к 23-летним девушкам, желающим пополнить ее ряды.

Во время поиска работы я вбивала в поисковой строке слова «кремация», «крематорий», «морг» и «похороны».

На письма с моим резюме работодатели отвечали мне (если вообще отвечали): «Есть ли у вас опыт работы в сфере кремации?» Похоронные бюро, казалось, настаивали на опыте работы, словно навыки сжигания тел можно было получить на обычном уроке в средней школе. Я разослала сотни резюме и получила множество ответов «Извините, но мы нашли более опытного сотрудника», пока через полгода не нашла работу в компании «Вествинд: кремация и захоронение».

Мои отношения со смертью всегда были довольно сложными. Когда в детстве я узнала, что неизбежным концом существования любого живого организма является смерть, мной овладели дикий страх и сильное любопытство. Будучи маленькой девочкой, я часами лежала в постели не в силах заснуть, пока свет фар машины моей матери не озарял подъездную дорожку к дому. Почему-то я была уверена, что мама лежит где-нибудь на дороге, истекая кровью, и при этом у нее на кончиках ресниц поблескивают кусочки от разбитого лобового стекла. Несмотря на то, что тема смерти, болезней и тьмы буквально поглотила меня, все же мне удавалось казаться наполовину нормальной школьницей. В колледже я решила перестать скрывать свои интересы и начала заниматься средневековой историей. В итоге на протяжении четырех лет я читала статьи примерно с такими названиями: «Некрофантазии и мифы: интерпретации смерти коренными жителями Паго-Паго» (Доктор Карен Баумгартер, Йельский университет, 2004). Меня привлекали все стороны смерти: тела, ритуалы, скорбь. Статьи отвечали на некоторые мои вопросы, однако мне было этого недостаточно. Мне нужны были настоящие тела и реальная смерть.

Майк вернулся, толкая перед собой скрипучую каталку с лежащим на ней моим первым трупом.

– Сегодня у меня совсем нет времени знакомить тебя с печами для кремации, – безразлично сказал он, – поэтому я попрошу тебя об услуге: побрей этого парня.

Очевидно, семья этого мертвого мужчины хотела еще раз его увидеть до кремации.

Далее я последовала за Майком, который повез каталку в стерильную белую комнату, расположенную прямо возле крематория. Он объяснил, что именно в этом помещении трупы «готовят». Он подошел к большому металлическому шкафу и достал одноразовый бритвенный станок из розового пластика. Подав его мне, Майк повернулся и ушел, в третий раз оставив меня в одиночестве. «Удачи!» – прокричал он, удаляясь.

Как я уже отмечала выше, бритье трупа не входило в мои планы, однако у меня не было выбора.

Выйдя из комнаты, Майк пристально следил за мной. Это был своего рода тест, который должен был показать, смогу ли я работать, следуя его жесткой философии: тони или плыви. Я была новенькой, нанятой сжигать (и иногда брить) тела, и я могла или справиться, или не справиться с поставленной задачей. Майк не был готов дать мне ни времени на обучение, ни испытательного срока.

Он вернулся через несколько минут и, стоя у меня за спиной, взглянул на мою работу: «Смотри, брить нужно по направлению роста волос. Отрывистыми движениями. Правильно».

Когда я вытерла с лица Байрона остатки пены, он стал выглядеть словно новорожденный. Не было ни одного пореза.

Позже тем же утром пришли жена и дочь Байрона, чтобы последний раз взглянуть на него. Байрона, задрапированного белыми простынями, вывезли в зал для прощаний. Лампа на полу и розовая лампочка на потолке мягко освещали его открытое лицо; так оно выглядело гораздо приятнее, чем при резком свете ламп дневного света в комнате для приготовлений.

После того как я побрила Байрона, Майк, прибегнув к какой-то похоронной магии, закрыл глаза и рот усопшего. Теперь, освещенное мягкими розовыми лучами, лицо джентльмена выглядело умиротворенным. Я ждала, что из зала для прощаний раздастся крик, вроде: «Какой ужас! Кто его так побрил?!», но, к счастью, этого не произошло.

От его жены я узнала, что Байрон 40 лет проработал бухгалтером. Такому организованному человеку, как он, наверняка понравилось бы тщательно выбритое лицо. Ближе к концу своей битвы с раком легких он был не в силах даже самостоятельно ходить в уборную, не говоря уже о бритье.

После того, как семья Байрона простилась с ним, пора было приступить к кремации. Майк поместил Байрона внутрь одной из огромных печей и с удивительной ловкостью выставил все настройки на передней панели. Через два часа дверь печи снова распахнулась, и я увидела красные тлеющие угольки, которые когда-то были костями Байрона.

Затем Майк принес инструмент, похожий на металлические грабли, и показал, какими движениями нужно выгребать кости из печи. Пока все, что осталось от Байрона, падало в контейнер, зазвонил телефон. Его звонок раздался в громкоговорителях на потолке, которые были установлены специально для того, чтобы телефон было слышно, несмотря на рев печей.

Майк сунул мне свои защитные очки и сказал:

– Закончи выгребать кости, мне нужно снять трубку.

Когда я доставала кости Байрона из печи, то заметила, что его череп остался целым. Я обернулась, чтобы посмотреть, не наблюдает ли за мной кто-нибудь живой или мертвый, а затем начала тащить череп к себе. Когда он приблизился к дверце печи, я взяла его в руки: он все еще был теплым, и я чувствовала его гладкую, но пыльную поверхность даже через промышленные перчатки.

Безжизненные глазницы Байрона смотрели на меня, пока я вспоминала, каким было его лицо до того, как всего два часа назад оказалось в огне. Это лицо я должна была хорошо запомнить, учитывая наши клиентско-парикмахерские отношения. Однако все человеческое, что было в его лице, ушло. Мать-природа с «ее жестокими законами», как писал Теннисон³, разрушила всю красоту, что однажды создала.

Кости Байрона, в которых после кремации остались лишь неорганические вещества, стали очень хрупкими. Когда я повернула череп боком, чтобы лучше его рассмотреть, он

³ Источник: Теннисон, Лорд Альфред. In *memoiam*: официальный текст. Нью-Йорк: В.В. Нортон & Компани, 2004. – Прим. ред.

рассыпался в моей руке, и пыль от него сквозь мои пальцы упала в контейнер. Мужчина по имени Байрон, отец, муж и бухгалтер, теперь навсегда остался в прошлом.

Вернувшись вечером домой, я увидела, что моя соседка Зоуи плачет на диване. Ее сердце разбил женатый мужчина, в которого она влюбилась во время недавней поездки в Гватемалу (это был двойной удар по ее эго и нетрадиционной ориентации).

– Как первый рабочий день? – спросила она сквозь слезы.

Я рассказала ей о Майке и о бритье трупа, но решила умолчать о черепе Байрона, сделав это своим секретом. Также я умолчала о странном нездоровом чувстве власти, которое я ощутила, когда руками растерла череп в пыль.

Пока звуки мексиканской музыки из «Esta Noche» мешали мне заснуть, я не могла перестать думать о черепе. Однажды все, что когда-то было Кейтлин: глаза, губы, волосы, плоть, – перестанет существовать. Возможно, мой череп тоже раскрошит рука в перчатке какого-нибудь 20-летнего юнца.

Щенок-сюрприз

На второй день в Уэствинде я встретила Падму. Нельзя сказать, что Падма была противной. Это слишком простое определение с дешевой коннотацией⁴. Падма больше напоминала существо из фильма ужасов, главную героиню кино «Воскрешенная ведьма-вуду». Когда я бросала взгляд на ее тело, лежащее в картонном контейнере для кремации, то думала: «Господи, да что я вообще здесь делаю?»

При жизни в Падме текла ланкийская и североафриканская кровь. Из-за темного цвета и сильного разложения ее кожа казалась угольно-черной. В ее длинных волосах, разбросанных во всех направлениях, были колтуны⁵. Белая плесень паучьими лапами выползала из ее носа и покрывала половину лица, включая глаза и зевающий рот. С левой стороны груди у нее была дыра, словно кто-то вырезал ей сердце в ходе таинственного ритуала.

Падме было чуть за тридцать, когда она умерла от редкого генетического заболевания. Несколько месяцев ее тело находилось в больнице Стэнфордского университета, где врачи пытались выяснить, что за болезнь убила ее. К тому моменту, как она прибыла в «Вествинд», ее тело уже перестало походить на человеческое.

Несмотря на ужас, который внушала неопытной мне Падма, я не могла позволить себе отпрыгнуть от ее тела, как олененок на дрожащих лапках. Менеджер Майк ясно дал понять, что мне платят не за то, чтобы я боялась мертвецов. Мне отчаянно хотелось доказать ему, что я могу быть такой же равнодушной, как и он.

«Лицо в плесени? Да я видела такое миллион раз! Это еще легкий случай», – мечтала я сказать с видом настоящего профессионала в области ритуальных услуг.

Пока вы не увидите труп, похожий на тело Падмы, смерть кажется чуть ли не красивой. На ум сразу же приходит викторианская жертва туберкулеза, у алого рта которой виднеется тоненькая струйка крови. Когда Аннабель Ли, возлюбленная Эдгара Аллано По, умирает, страдающий от любви По не может оставаться в стороне. Он пишет:

«И в мерцанье ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной – с невестой – с любовью моей –
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли».

(пер. К. Бальмонта)

Великолепное белоснежное тело Аннабель Ли. Никакого упоминания о следах разложения, которые сделали бы лежание рядом с возлюбленной невыносимым для безутешного По.

Падма была не единственной. Повседневные реалии работы в «Вествинде» были куда менее захватывающими, чем я предполагала. Мой рабочий день начинался в 08:30 утра, когда я включала печи для кремации («реторты», как они называются на профессиональном жаргоне). Весь первый месяц я носила с собой шпаргалку по включению печей и неуклюже нажимала на ярко-красные, синие и зеленые кнопки, напоминавшие мне о научно-фантастических фильмах 1970-х годов, чтобы установить температуру, зажечь горелку и отрегулировать вытяжку. Секунды до того, как печи с грохотом включались, были самыми тихими и спокойными за весь день. Никакого шума, жара, давления – просто девушка и куча свежих трупов.

⁴ В данном случае дополнительное значение. – Прим. ред.

⁵ Колтун – болезнь кожи головы, при которой волосы слипаются в плотный ком. – Прим. ред.

Как только печи были включены, о тишине можно было забыть. Комната превращалась во внутренний круг ада: ее наполнял раскаленный спертый воздух, напоминавший дыхание дьявола, и грохот реторт. То, что выглядело как пушистая серебристая обшивка космического корабля, обеспечивало звукоизоляцию, защищая от шума уши скорбящих родственников, сидящих в часовне или в залах для прощаний.

Печь была готова поглотить первое тело, когда температура внутри нее достигала 800 °С. Каждое утро ко мне заходил Майк и приносил несколько разрешений на кремацию. Выбрав два разрешения, я убирала своих сегодняшних жертв в холодильник, где они ожидали своей участи, и приветствовала картонные коробки с телами, на каждой из которых стояло полное имя усопшего и дата его смерти. Холодильник пах, как смерть во льду: этот запах сложно описать, но невозможно забыть.

Люди в холодильнике, скорее всего, никогда бы не стали проводить время вместе в реальной жизни.

Пожилой темнокожий мужчина с инфарктом миокарда, женщина средних лет с раком яичников, молодой испанец, застреленный всего в нескольких кварталах от крематория. Всех их привела сюда смерть, словно на саммит ООН, где им предстояло обсудить свою кончину за круглым столом.

Зайдя в холодильник, я поклялась высшим силам, что буду хорошо себя вести, если тело первого в очереди на кремацию находится не в самом низу нагромождения трупов. Тем утром первым должен был быть мистер Мартинес. В идеальном мире его тело было бы на самом верху, ожидая, когда я подойду и легко переложу его на гидравлическую каталку. К моему большому разочарованию мистер Мартинес застрял между мистером Уиллардом, миссис Нагасаки и мистером Шелтоном. Это значило, что мне придется несколько раз переставлять коробки, как в Тетрисе.

Переложив наконец мистера Мартинеса на каталку, я повезла его в зал для кремации. Последними препятствиями в нашем с ним путешествии стали толстые пластиковые полоски (которые также можно увидеть на автомойках и в холодильниках для мяса), которые свисали с дверного проема холодильной камеры, не выпуская из нее холодный воздух. Эти полоски были моими злейшими врагами. Они цеплялись за всех, кто проходил сквозь них, как жуткие ветки из анимационной версии фильма «Легенды о Сонной Лощине»⁶. Я терпеть не могла прикасаться к ним, так как в красках представляла, сколько на них налипло бактерий и измученных душ усопших.

Зацепившись за полоски, невозможно развернуть каталку под нужным углом, чтобы вывезти ее из дверного проема. Толкнув каталку с мистером Мартинесом, я услышала знакомый «динь»: каталка врезалась в металлический проем.

Майк, который проходил мимо, направляясь в комнату для приготовлений, увидел, как я толкаю каталку вперед-назад, вперед-назад.

– Помощь нужна? Не получается? – спросил он, красноречиво приподняв одну бровь, словно хотел сказать: «Сразу видно, насколько ты никчемна».

– Нет, я справлюсь! – радостно прокричала я, сдвигая с лица полные бактерий пластиковые шупальца и выталкивая тележку по направлению к крематорию.

Я поняла, что на все нужно отвечать: «Нет, я справлюсь!» Нужна ли мне помощь при поливе цветов во дворе? Нет, я справлюсь! Помочь ли мне с намыливанием пальца мертвеца, чтобы протолкнуть обручальное кольцо сквозь его распухшие суставы? Нет, я справлюсь!

После того как я успешно выкатила мистера Мартинеса из холодильника, пришла пора достать его из картонной коробки. Это была самая приятная часть моей работы.

⁶ «Легенда о Сонной Лощине» – рассказ американского писателя Вашингтона Ирвинга. По мотивам рассказа существует множество экранизаций. – Прим. ред.

Распаковку коробок я ассоциирую с игрушкой для девочек «Щенок-сюрприз», популярной в начале 1990-х годов. В рекламе группа девочек от пяти до семи лет толпилась вокруг коробки с плюшевой собачкой. Они приходили в восторг, когда заглядывали внутрь плюшевого живота и обнаруживали там много мягких щенков. Их могло быть три, четыре и даже пять! Это, конечно, и был самый настоящий сюрприз.

То же самое было и с мертвыми. Каждый раз, открывая коробку, я могла увидеть там кого угодно: 95-летнюю женщину, мирно умершую у себя дома, или 30-летнего мужчину, которого нашли в мусорном контейнере спустя восемь дней после его смерти. Каждый человек был для меня отдельным приключением.

Если тело, которое я обнаруживала в коробке, было необычным (например, плесень на лице Падмы), мое любопытство заставляло меня провести расследование, то есть заглянуть в электронную систему регистрации смертей, записи coronera⁷ и свидетельство о смерти. Эти бюрократические формальности позволяли мне больше узнать о жизни человека и, что самое важное, его смерти. Мне хотелось понять, как эти люди ушли из жизни и попали ко мне в крематорий.

В мистере Мартинесе не было ничего необычного. Тело на три щеночка, сказала бы я при необходимости его оценить. Это был латиноамериканец в возрасте около 70 лет, умерший, вероятно, от сердечного приступа. Под его кожей я увидела очертания кардиостимулятора.

Среди сотрудников крематориев ходит легенда о том, что литиевые батарейки внутри стимулятора взрываются в огне, если их не извлечь. Эти крошечные бомбы способны уничтожить лица несчастных операторов кремационной печи. Никто не осмеливался оставить их внутри реторты⁸ на достаточно долгое время, чтобы проверить, верны ли слухи. Вернувшись в комнату для приготовлений, я взяла у бальзамировщика скальпель, чтобы извлечь стимулятор.

Вначале я поднесла скальпель к груди мистера Мартинеса, затем попыталась сделать два разреза крест-накрест над стимулятором. Скальпель выглядел острым, но никак не повредил кожу, не оставив даже царапины.

Нетрудно понять, почему студенты медицинских университетов тренируются делать операции на трупах: так они перестают бояться того, что причиняют человеку боль. Пока я проводила эту мини-операцию, мне казалось, что мистер Мартинес совершенно точно пребывает в агонии. Ощущение того, что он испытывает боль, не покидало меня, хотя мутные глаза мистера Мартинеса явно свидетельствовали о том, что ему уже все равно.

Неделю назад Майк показывал мне, как извлекать кардиостимулятор, и я сделала вывод, что все очень просто. Приходится давить на скальпель гораздо сильнее, чем кажется на первый взгляд: человеческая кожа – удивительно прочный материал. Я извинилась перед мистером Мартинесом за свою некомпетентность. После нескольких неудачных попыток металлический кардиостимулятор все же показался под бугристой желтой тканью его груди. Мне удалось достать его одним быстрым движением.

Теперь, когда мистера Мартинеса идентифицировали, перевезли и избавили от потенциально взрывоопасных батареек, он был готов встретить свой огненный конец. Я нажала на кнопку, приводящую в действие ленточный конвейер, позволяющий поместить тело внутри печи. Как только металлическая дверь с грохотом захлопнулась, я вернулась к научно-фан-

⁷ Коронер – в некоторых странах англо-саксонской правовой семьи должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти. – Прим. ред.

⁸ Реторта – сосуд грушевидной формы с длинным отогнутым в сторону горлом, применяемый в лабораториях для нагревания и перегонки веществ. – Прим. ред.

тастическим кнопкам на передней панели реторты, отрегулировала поток воздуха и включила горелки.

Пока тело горит, делать практически нечего. Я, не отрываясь, следила за меняющейся температурой внутри печи, а затем решила приоткрыть железную дверь, заглянуть внутрь реторты и посмотреть, что стало с телом. Тяжелая дверь открывалась со скрипом, словно говорила: «Остерегайся того, что ты увидишь, дорогая».

В индийских Ведах⁹, написанных четыре тысячи лет назад, говорится, что кремация необходима для того, чтобы душа могла вырваться из ловушки в виде нечистого мертвого тела.

В тот момент, когда трескается череп, душа освобождается и летит в мир предков. На словах это звучит красиво, но если вы не привыкли к виду горящих человеческих тел, в реальности это может показаться жутким.

Когда я впервые увидела горящее тело, то почувствовала себя страшной грешницей, несмотря на то что это было предусмотрено протоколом «Вествинда». Даже если вы способны спокойно смотреть на обложки рокерских альбомов, гравюры Иеронима Босха с изображениями пыток в аду и сцену из фильма «Индиана Джонс», где плавятся лица нацистов, вы все равно не можете быть полностью подготовлены к виду горящего тела. Картина охваченного пламенем человеческого черепа пробудит в вас до такой степени интенсивные эмоции, которые вы не могли испытать даже в самых диких фантазиях.

Когда тело находится внутри печи, в первую очередь сгорает картонная коробка, в которой оно лежит, оставляя труп беззащитным в огне преисподней. Затем сгорает органический материал, и труп меняется до неузнаваемости. Человеческое тело на 80 % состоит из воды, которая испаряется без какого-либо труда. Затем пламя охватывает мягкие ткани, и тело обугливается, становясь полностью черным.

Сгорание тех частей, которые определяют внешность человека, занимает больше всего времени.

Я бы солгала, заявив, что никак себе не представляла работу оператора кремационной печи. На самом деле я полагала, что буду засовывать тела в гигантские печи, а затем задирать ноги на стол, есть клубнику и читать романы, пока бедные мужчины и женщины горят. В конце дня я бы задумчиво ехала на поезде домой, с каждым разом приходя все к более глубокому пониманию смерти.

После нескольких недель работы в «Вествинде» мысли о поедании клубники и философствовании сменились другими, более насущными: когда обед? я когда-нибудь буду чистой? Нельзя быть по-настоящему чистой в крематории. Благодаря частицам мертвых людей и промышленному оборудованию тонкий слой пыли и сажи покрывает все вокруг. Пыль накапливается в совершенно непредсказуемых местах, например, изнутри ноздрей. К середине дня я была похожа на главную героиню рассказа «Девочка со спичками»¹⁰.

В пыли от человеческих костей, скопившейся за ушами или забившейся под ногти, приятного мало, однако прах уносил меня в мир, отличный от того, что существовал за пределами крематория.

Энкио Пат О'Хара была главой Центра дзэн-буддизма в Нью-Йорке, когда 11 сентября рухнули башни-близнецы Всемирного торгового центра. «Запах стоял несколько недель, и мне казалось, что я дышу людьми, – сказала она. – Это был запах всего, что было уничтожено, включая людей. Людей, электроприборов, камня и стекла».

⁹ Веды – сборник древних священных писаний на санскрите. – Прим. ред.

¹⁰ «Девочка со спичками» – короткий святочный рассказ Ханса Кристиана Андерсена. – Прим. ред.

Такое описание вселяет ужас. Однако О'Хара посоветовала людям не пытаться спрятаться от этой картины, а, наоборот, всмотреться внимательнее и понять, что «это происходит постоянно, но мы этого не замечаем; теперь действительность можно увидеть, ощутить ее запах и прочувствовать». В «Вествинде» я, словно впервые, смотрела, ощущала запах и чувствовала. Эта встреча с реальностью была для меня бесценна, и вскоре я уже не могла жить по-старому.

Вернемся к насущной проблеме: во сколько обед и где нужно есть? У меня был полу-часовой обеденный перерыв. Есть в фойе я не могла из страха, что зайдет семья усопшего и увидит, как я поглощаю чоу-мейн¹¹. Возможный сценарий: распахивается парадная дверь, моя голова поворачивается, глаза выпучиваются, лапша вываливается изо рта. Обед в самом крематории я тоже не рассматривала в качестве варианта, ведь мне не хотелось, чтобы прах попал в мой контейнер с едой. Оставалась часовня (если в ней не было тела) и кабинет Джо.

Хотя Майк был менеджером крематория, здание похоронного бюро «Вествинд: кремация и захоронение» было построено Джо. Я никогда не встречала Джо (по-настоящему его звали Хоакин), владельца «Вествинда»: он ушел на пенсию незадолго до того, как я сожгла первое тело, оставив Майка за главного. Он стал для меня своего рода апокрифической¹² фигурой: возможно, физически он и не был рядом, но его присутствие в здании всегда ощущалось. Джо будто наблюдал за Майком, следя за тем, чтобы он всегда был занят. Точно так же Майк наблюдал за мной. Нам обоим не давал покоя пристальный взгляд наших начальников.

Кабинет Джо пустовал. Это была комната без окон, заполненная коробками с разрешениями на кремацию и записями о каждом, кто когда-либо отправлялся в последний путь в «Вествинде». Его фотография до сих пор висела над письменным столом: на ней был запечатлен высокий мужчина с рябой кожей, шрамами на лице и густой черной бородой. Поверьте, у вас бы не возникло желания переспать с таким, как он.

Какое-то время я надоедала Майку, прося больше рассказать мне о Джо. Не выдержав, он принес мне выцветший номер местной еженедельной газеты, на обложке которой была фотография Джо. На фото он стоял напротив кремационных печей «Вествинда», скрестив руки на груди. Здесь он опять же не вызывал никакого желания.

– Я нашел это в шкафу для документов, – сказал Майк. – Тебе понравится. В статье Джо описан как дерзкий ренегат¹³, который начал битву с бюрократией и победил.

Майк был прав. Статья мне понравилась.

– Жители Сан-Франциско обожают такие истории, – добавил он.

Джо, в прошлом работавший офицером полиции, основал «Вествинд» за двадцать лет до моего прихода туда. Его первоначальный бизнес-план предполагал заполнение прибыльной ниши по рассеиванию праха в море. Он купил лодку и стал возить на ней семьи по заливу Сан-Франциско.

– Мне кажется, он пригнал эту лодку самостоятельно. Из Китая или откуда-то еще. Не помню, – сказал Майк.

Через некоторое время парень, следивший за лодкой Джо, совершил какую-то ужасную ошибку и затопил ее.

Майк пояснил: «Джо стоял на причале, курил сигару и смотрел, как тонет его лодка. Тут ему пришло в голову, что деньги, которые он получит по страховке, нужно потратить на покупку кремационных печей».

¹¹ Китайская жареная лапша. – Прим. ред.

¹² Апокрифический – в одном из своих значений – недостоверный, легендарный, передающийся слухами. – Прим. ред.

¹³ Ренегат – лицо, перешедшее от одного вероисповедания в другое, в переносном смысле – человек, изменивший своим убеждениям и перешедший в лагерь противников. – Прим. ред.

Уже примерно через год Джо стал владельцем малого бизнеса, открыв похоронное бюро «Вествинд: кремация и захоронение». Он узнал, что колледж похоронного дела в Сан-Франциско еще много лет назад заключил контракт с властями города о распоряжении телами бездомных и неимущих.

По словам Майка, под словом «распоряжение» колледж подразумевал использование тел в качестве обучающих материалов для студентов, бессмысленное бальзамирование всех трупов подряд и получение денег на все это из городского бюджета.

К концу 1980-х годов колледж стал стоить городу более 15,000 долларов в год. Джо, будучи предприимчивым джентльменом, предложил городу платить ему на два доллара меньше за каждое тело, чем колледжу, и выиграл контракт. Теперь все неопознанные тела и трупы неимущих отправлялись в «Вествинд».

Этот смелый поступок столкнул Джо с коронером Сан-Франциско. В то время этот пост занимал доктор Бойд Стивенс, состоявший в хороших отношениях с местными похоронными бюро и, согласно статье, не принимавший ликер и конфеты в качестве благодарности за его труд. Он был в дружеских отношениях и с колледжем похоронного дела, которого Джо лишил контракта на распоряжение телами бездомных. Начались притеснения «Вествинда»: несколько раз в неделю туда наведывались городские инспекторы, обнаруживая вопиющие нарушения. Беспричинно и без предупреждения контракт с похоронным бюро Джо был расторгнут. Джо подал в суд на коронера и выиграл дело. Майк закончил свой рассказ на радостной ноте, заявив, что бюро «Вествинд: кремация и захоронение» стало открыто для бизнеса, а колледж похоронного дела в Сан-Франциско вышел из игры.

Грудная клетка, самая толстая часть человеческого тела, горит дольше всего.

После обеда, спустя час после того, как я поместила мистера Мартинеса в печь, пришло время перевернуть его. Тело вошло в печь ногами вперед, что позволило самому интенсивному пламени на потолке камеры печи начать сжигать его грудную клетку.

Теперь, когда грудь мистера Мартинеса сгорела, труп нужно было продвинуть вперед, чтобы в огонь попала нижняя часть тела. Чтобы это сделать, я натянула промышленные перчатки, надела защитные очки и вооружилась похожим на грабли металлическим шестом с зубьями на конце. Приоткрыв дверь печи примерно на 20 см, я протиснула шест в огонь и аккуратно подцепила мистера Мартинеса за ребра. Сначала это кажется непростой задачей, но, немного приноровившись, можно научиться цепляться за самое крепкое ребро с первой попытки. Затем я резким движением подтянула его к себе, и, как только ноги оказались в огне, пламя резко вспыхнуло.

Когда от мистера Мартинеса остались лишь красные тлеющие угольки (важно, чтобы они были красными, так как черный цвет означает, что тело не до конца «приготовилось»), я выключила печь, подождала, пока она охладится до 250 °C, и начала выгребать кости. Грабли на конце металлического шеста цепляют более крупные частицы костей, но, чтобы достать весь прах, скопившийся в труднодоступных местах, нужно воспользоваться специальным металлическим веником. Если вы пребываете в нужном расположении духа, выгребание праха может помочь вам достичь дзена, подобно буддистам, которые граблями облагораживают песчаные сады.

Поместив все останки мистера Мартинеса в металлическое ведро, я понесла их на другой конец крематория и выложила на плоский вытянутый поднос. Поднос, похожий на те, что используются при археологических раскопках, был необходим для обнаружения любых металлических предметов, которые могли находиться внутри тела. Этими предме-

тами может быть все, что угодно, начиная от имплантатов¹⁴ в коленях и бедрах и заканчивая металлическими зубными протезами.

Весь металл необходимо извлечь, так как финальным этапом процесса кремации является помещение костей в кремулятор. Название «кремулятор» звучит так, словно это имя мультяшного злодея или грузовика-монстра, хотя на самом деле это название устройства для измельчения костей, по размерам сравнимого с кухонной мультиваркой.

Поместив кусочки костей в кремулятор, я включила устройство на 20 секунд. Фрагменты костей с шумом превратились в однородную пыль, называемую «кремированные останки». В Калифорнии законом установлено, что семья мистера Мартинеса получит в урне пушистый белесый прах, а не куски костей. Кости бы служили напоминанием о том, что внутри урны находится не что-то абстрактное, а настоящий мертвый человек.

Не во всех культурах принято избегать костей. В I в. н. э. римляне строили высокие погребальные костры из сосновых бревен. Тело без гроба клали на сооружение из бревен и поджигали. После окончания процесса кремации скорбящие родственники собирали кости, вручную промывали их в молоке и перекладывали в урны.

Если вы думаете, что промывание костей приветствовалось только в далеком прошлом, вы не правы: кости играют значительную роль в похоронных ритуалах современной Японии. Во время *kotsuage* («сбора костей») скорбящие собираются вокруг печи для кремации, когда кости извлекают из камеры. Кости выкладывают на стол, после чего родственники берут их длинными палочками для еды и перекладывают в урну. В первую очередь они берут кости стопы, а затем продвигаются по направлению к голове. Это необходимо, чтобы усопший мог отправиться в мир мертвых на ногах.

Семьи мистера Мартинеса рядом не было: в крематории мы были с ним вдвоем. В знаменитом трактате под названием «Порнография смерти» антрополог Джеффри Горер писал: «Часто кремации отдается предпочтение, потому что она, в отличие от погребения, позволяет окончательно избавиться от усопшего». Я не была членом семьи мистера Мартинеса и не знала его при жизни, но теперь именно я проводила все ритуалы, окружавшие его смерть. Его *kotsuage* был осуществлен мной одной. В прошлом в каждой культуре мира посмертные ритуалы были похожи на сложный танец, исполнить который могли только обученные люди в строго определенное время. Я не чувствовала, что готова взять на себя ответственность за последние минуты этого человека, ведь у меня не было никакого опыта, не считая того, что я несколько недель управлялась с кремационной печью.

Измельчив кости мистера Мартинеса в кремуляторе, я пересыпала его прах в целлофановый пакет и завязала его проволокой. Затем я положила пакет в коричневую пластмассовую урну. В нашем бюро продавались другие, более дорогие урны, позолоченные и украшенные перламутровыми голубями, но семья мистера Мартинеса, как и большинство других семей, решила такую не покупать.

Я вбила имя мистера Мартинеса в специальный принтер для этикеток. Принтер зашумел и выплюнул ярлычок, который нужно было приклеить на его урну. Наконец я поставила урну на полку, где она вступила в ряды таких же коричневых пластмассовых солдат, которые терпеливо ждали, когда кто-нибудь придет и заберет их. Удовлетворенная выполненной работой, я вышла из крематория в 17:00, покрытая тонким слоем человеческого праха.

¹⁴ Имплантаты (импланты) – класс изделий медицинского назначения, используемых для вживления в организм. – Прим. ред.

Глухой удар

Говорят, чтобы получить свой порно-псевдоним, нужно объединить кличку вашего первого питомца с названием улицы, на которой вы выросли. Согласно этому правилу, меня звали бы Суперфлай Пуналэи. У меня никогда не было намерения строить карьеру в порнографии, но такое имя буквально вынуждает попробовать.

Пуналэи Плэйс – это маленькая тупиковая улица в Канеохи, Гавайи, где я провела первые 18 лет жизни. Мой дом можно было в лучшем случае назвать средним, но расположение на тропическом острове в окружении горной цепи и искрящегося голубого залива компенсировало все его недостатки. Во время сезона созревания кокосов мне приходилось буквально бежать по дорожке, ведущей к дому, в противном случае мне непременно успевал упасть на голову перезрелый орех.

Тихая Пуналэи Плэйс напоминала теплую ванну, вода в которой никогда не остывала. Жизнь там годами текла без изменений: в грузовиках на зеркалах заднего вида висели игрушечные головы индейцев с торчащими перьями, в местных ресторанчиках подавали говядину-терияки на одной тарелке с итальянским салатом, а по местному радио передавали игру на укулеле¹⁵. Температура воздуха там редко значительно отличалась от температуры тела.

Когда мне было пять лет, мне привезли Суперфлая, плавающего в полиэтиленовом пакете с чистой водой, из зоомагазина в Коолау. Он жил у нас в столовой в голубом аквариуме с оранжевыми камнями. Мои родители дали ему такую кличку, вдохновившись одноименным хитом Кертиса Мэйфилда¹⁶, но я сомневаюсь, что моя рыбка была как-то связана с тяжелыми временами и улицами гетто, описанными в песне.

Вскоре после того, как рыбка поселилась у нас дома, Суперфлай заболел ихтиофтириозом. Эта болезнь, вызванная паразитами, медленно убивала его. На чешуе Суперфлая появились белые точки. Его когда-то игривое плавание сменилось безучастным перемещением по аквариуму. Через несколько недель, когда его ослепительно-золотой окрас полинял до тускло-белого, Суперфлай совсем перестал плавать. Моя мама проснулась утром и увидела его крошечный труп на поверхности воды. Не желая меня тревожить, она решила отложить первую беседу о смерти с дочерью до прихода с работы.

Днем мама усадила меня и взяла мою руку.

– Дорогая, мне нужно сказать тебе кое-что о Суперфлае.

– Что, маменька?

Скорее всего, я назвала ее «мама» или «мамочка», но в моих воспоминаниях я была очень вежливым британским ребенком с изысканными манерами.

– Суперфлай заболел и умер. Утром я увидела, что он мертв.

– Нет, мама, это не так, – настаивала я. – Суперфлай в порядке.

– Милая, мне очень жаль. Я бы хотела, чтобы он был жив, но он умер.

– Пойдем, я докажу тебе, что ты не права!

Я привела маму к аквариуму, где на поверхности воды лежала неподвижная белая рыбка.

– Смотри, Кейтлин, я его уколую, чтобы ты поняла, о чем я говорю. Хорошо?

Как только она опустила палец в воду, чтобы потрогать маленький труп, Суперфлай встрепенулся и поплыл к другому концу аквариума, чтобы спрятаться от атакующего его человека.

¹⁵ Укулеле – гавайский четырехструнный щипковый музыкальный инструмент. – Прим. ред.

¹⁶ Музыкант афроамериканской музыки. – Прим. ред.

– Боже мой! – закричала мама, наблюдая, как живая рыбка плавает из стороны в сторону.

В этот момент она услышала, как мой отец смеется за ее спиной.

– Джон, что ты сделал? – сказала она, прижав руки к груди.

Вот что сделал мой папа: он встал чуть позднее мамы, выпил чашку кофе, а затем без лишних церемоний смыл Суперфлая в унитаз. Затем мы с ним поехали в зоомагазин и купили здоровую белую рыбку точно такого же размера, как Суперфлай. Мы привезли рыбку домой и выпустили в голубой аквариум. Вся цель ее короткой жизни состояла в том, чтобы довести мою маму до сердечного приступа.

Розыгрыш удался. Мы назвали рыбку Суперфлай-2, и из своего первого столкновения со смертью я сделала вывод о том, что ее всегда можно избежать.

Если не считать несчастного Суперфлая (и Суперфлая-2, который тоже вскоре умер), я видела смерть только в мультиках и фильмах ужасов. Очень рано я научилась перематывать вперед видеокассеты, благодаря чему пропускала сцену смерти мамы Бэмби, еще более опасный для детской психики момент смерти мамы Литтлфут в «Земле до начала времен»¹⁷ и эпизоды из «Алисы в Стране чудес», где Королева приказывает рубить головы. Ничто мне не угрожало. Я упивалась своей властью и думала, что все могу перематывать вперед.

Но однажды настал день, когда я утратила контроль над смертью. Мне было восемь, в торговом центре в нескольких кварталах от нашего дома должно было пройти состязание костюмов на Хэллоуин. Планируя нарядиться принцессой, я нашла в комиссионном магазине обшитоое блестками синее бальное платье. Когда я поняла, что банальный образ принцессы награды мне не принесет, то решила придумать кое-что более оригинальное.

В коробке с костюмами я обнаружила парик из длинных черных волос, который я позднее использовала при съемке на видеокамеру 1980-х годов чудовищную пародию на клип Аланис Мориссетт¹⁸ «Ты должен знать». На парик я надела сломанную тиару¹⁹. Последним штрихом стало щедрое количество искусственной крови, после чего я превратилась в мертвую королеву бала.

Когда пришла моя очередь выступить на состязании, я, прихрамывая и шаркая ногами, прошла по подиуму. Ведущий попросил меня ответить в микрофон, кем я нарядилась, и я ответила монотонным зомби-голосом: «Он броооосил меня. Он заплааааатит за это. Я мертвая королева бала». Думаю, именно мой голос покориł судей. В качестве приза мне вручили \$75, и я решила, что на эту сумму я смогу купить непристойное количество фишек. Все третьеклассники, жившие на Гавайях в 1993 году, считали целью своей жизни добыть денег на фишки.

Затем в туалете торгового центра я переоделась в неоново-зеленые лосины и неоново-розовую футболку (в стиле Гавайев в 1993 году) и пошла в дом с привидениями со своими друзьями. Я хотела найти папу и, очаровав его, попросить дать мне денег на один из гигантских кренделей. Как и во многих других торговых центрах, в этом было два этажа, при этом на втором этаже были перила, позволяющие посетителям видеть, что происходит внизу.

Я увидела, что мой отец дремлет на скамейке рядом с кафе. «Пап! – прокричала я со второго этажа. – Крендель, папа! Крендель!»

¹⁷ Американско-ирландский приключенческий мультипликационный фильм, выпущенный в США 18 ноября 1988 года. – Прим. ред.

¹⁸ Канадская певица, композитор, актриса и продюсер. – Прим. ред.

¹⁹ Первоначально персидский головной убор в виде высокой шапки, впоследствии в более широком смысле – драгоценное головное украшение, разновидность короны или диадемы. – Прим. ред.

Пока я кричала и махала руками, боковым зрением заметила маленькую девочку, ползающую к перилам второго этажа. Вдруг она соскользнула вниз и упала с высоты десяти метров лицом на прилавок. При этом все слышали чудовищный глухой удар.

«Мой ребенок! Нет! Мой ребенок!» – закричала ее мать, сбегая с эскалатора, неистово расталкивая охранников торгового центра и свидетелей трагедии. До сегодняшнего дня я не слышала ничего более страшного, чем крики той женщины.

У меня подкосились колени, а я все продолжала смотреть на скамейку, на которой до этого сидел мой отец, хотя он побежал вместе с толпой. Теперь вся скамейка была пуста.

Этот глухой удар, раздавшийся при падении девочки, снова и снова звучал в моей голове. Сегодня можно было бы сказать, что у меня посттравматический стрессовый синдром, но раньше я считала звук этого удара барабанным боем моего детства.

– Эй, я надеюсь ты тоже не прыгнешь вниз? Просто воспользуйся эскалатором, ладно? – сказал мой отец, пытаясь показаться веселым. У него на лице была такая же глупая улыбка, как и в тот день, когда он напугал маму Суперфлаем.

Мне же все произошедшее совсем не казалось смешным. Думаю, мои глаза сказали ему об этом.

Есть японский миф об Изанаги, который спускается в мир мертвых, чтобы найти свою сестру Изанамии. Когда он находит ее, сестра говорит, что вернется с ним в мир живых, но Изанаги ни при каком условии не должен смотреть на нее. Однако Изанаги не выдерживает и подносит фонарь к лицу Изанамии, чтобы взглянуть на нее. Он видит гниющее тело сестры, покрытое личинками. Изанаги убегает, сестра преследует его, но он пододвигает огромный камень, который разделяет их навсегда. Теперь Изанаги знает, что такое смерть, и он вынужден прятаться от собственных мыслей, наполненных увиденными им ужасами.

Той ночью я до рассвета просидела с включенным светом. Внутри моего тела маленькая девочка упала в пропасть страха. Эта смерть не была ни насильственной, ни кровавой; по телевизору я видела картины еще более пугающие. Однако это была реальность. До той ночи я полностью еще не осознавала, что когда-нибудь тоже умру. Что все когда-нибудь умрут. Также я не знала, кому еще было об этом известно. Если все окружающие понимали это, как они вообще могли с этим жить?

На следующее утро родители обнаружили меня на диване в гостиной, лежащую с открытыми глазами под несколькими одеялами. Они отвели меня в кафе, чтобы поесть шоколадных блинчиков. Больше мы об этом инциденте не говорили.

Самое удивительное в этой истории не то, что восьмилетняя девочка стала свидетельницей смерти, а что ей потребовалось для этого целых восемь лет. Всего 100 лет назад невозможно было найти ребенка, ни разу не видевшего смерти.

Северная Америка построена на смерти. Когда туда прибыли первые европейские переселенцы, все, что они делали, это умирали.

Они погибали от голода, холода, сражений с коренными жителями, гриппа, дифтерии, дизентерии и оспы. К концу третьего года существования поселения Джеймстаун в Вирджинии из первоначальных 500 жителей 440 были мертвы. Дети в особенности умирали постоянно. Мать пятерых детей могла считать себя счастливицей, если хотя бы двое из них дожили до десяти лет.

В XVIII и XIX веках статистика смертности не стала более воодушевляющей. Когда дети того времени прыгали через скакалку, они повторяли следующую считалочку:

Бабушка, бабушка,
Правду скажи.
Сколько лет

Мне осталось прожить?

Один, два, три, четыре..?

Печальная правда в том, что многие из них проживали не больше нескольких прыжков на скакалке. Во время похорон дети несли крошечные гробы других детей по улицам поселений. Звучит чудовищно, но длинный путь к могиле тех детей, скорее всего, был не менее страшен, чем терзания, которые охватили мой юный мозг, после того как я увидела падение маленькой девочки.

Через несколько месяцев после происшествия в торговом центре мы с отрядом девочек-скаутов поехали в местную пожарную часть. Там мне хватило смелости спросить одного из пожарных, что в итоге стало с тем ребенком. «Это было ужасно», – сказал он, качая головой и в отчаянии смотря на землю.

Такого ответа мне было недостаточно и хотелось спросить: «Что значит ужасно? Они все еще не нашли некоторые из ее органов, или она просто получила серьезную травму? Нельзя ли надеяться на то, что она выжила?»

Мне было не ведомо, осталась она в живых или нет, но я слишком боялась спрашивать. Очень скоро это перестало иметь для меня значение. Даже если бы Опра привела меня на свое шоу и, дико размахивая руками, сказала: «Кейтлин, ты об этом не знала, но та девочка ЖИВААА и сегодня она у нас в СТУДИИ!», это не избавило бы меня от страха, охватившего мое тело. После этого случая я начала видеть смерть повсюду. Ее размытая фигура в плаще всегда присутствовала на периферии моего поля зрения, но, как только я поворачивалась, чтобы взглянуть ей в лицо, она исчезала.

Мой одноклассник Брюс Хашимото был болен лейкемией. Я не знала, что это такое, но другой мой одноклассник сказал, что это болезнь, при которой человека постоянно рвет, а потом он умирает. Как только он описал мне это заболевание, я почувствовала, что оно поразило и меня тоже. Я ощущала, как оно пожирает меня изнутри.

Боясь смерти, я хотела установить над ней контроль. В итоге я пришла к выводу, что у смерти должны быть любимчики, и мне нужно было стать одним из них.

Из-за попыток совладать с тревожностью у меня развился целый букет обсессивно-компульсивных ритуалов. Мои родители могут умереть в любой момент. Я могу умереть в любой момент. Мне необходимо было все делать правильно: читать, стучать, трогать, проверять, чтобы сохранить баланс во Вселенной и избежать смерти.

Правила игры были произвольными, но их нельзя было назвать иррациональными. Три раза подряд обойти дом по периметру, прежде чем покормить собаку. Перешагнуть через свежие листья, но встать на кучу сухих листьев. Пять раз проверить, что дверь заперта. Запрыгнуть на кровать с расстояния одного метра. Задержать дыхание при входе в торговый центр, чтобы маленькие дети не падали с балкона.

Директор начальной школы, где я училась, пригласила моих родителей на беседу. «Мистер и миссис Даути, ваша дочь плевалась на свою блузку, – сказала она. – Это возмутительно».

В течение нескольких месяцев я засовывала рот под блузку и плевала на ткань, а затем ждала, когда мокрое пятно постепенно увеличится в размерах и станет похоже на второй воротник. Веских на то причин не было. Видимо, я думала, что отсутствие слюны на блузке подаст знак высшим силам о том, что я не особо сильно хочу жить, и что меня вполне можно бросить на съедение волкам.

Обсессивно-компульсивное расстройство²⁰ лечится с помощью когнитивно-поведенческой терапии²¹, в ходе которой пациент должен понять, что его страхи не претворятся в жизнь, даже если он не совершит свои ритуалы. Однако мои родители выросли в мире, где терапия была необходима лишь сумасшедшим, а не их любимой восьмилетней дочке (которая плевалась на воротничок блузки и, как одержимая, стучала пальцами по кухонному столу).

Когда я стала постарше, постоянные мысли о смерти отступили, ритуалы прекратились, и я перестала слышать звук глухого удара в ночных кошмарах. Чтобы продолжать жить, я покрыла себя толстым слоем отрицания смерти. Когда меня охватывали эмоции, чувства, тоска, я проталкивала их внутрь себя, будучи в ярости из-за того, что позволила им выйти наружу. Мои внутренние диалоги были безжалостными: «У тебя все хорошо. Ты не голодаешь, никто тебя не бьет. Твои родители все еще живы. В мире есть настоящее горе, а твои проблемы жалкие. Ты унылая ничтожная корова».

Иногда я думаю о том, насколько другим было бы мое детство, если бы я раньше увидела смерть. Если бы меня заставили сидеть в ее присутствии и пожимать ей руку. Если бы она стала моим спутником, влияющим на каждое мое движение и решение, и шептала мне в ухо: «Ты – это пища для червей». Возможно, мы бы даже с ней подружились.

И правда, что такая милая девушка, как я, делала в таком жутком месте, как «Вествинд»? Правда в том, что я рассматривала эту работу в качестве способа смириться с тем, что произошло со мной в восемь лет. Я хотела успокоить ту девочку, которой не давал спать накрывший ее страх, и которая все время пряталась, думая, что ей удастся избежать смерти в случае, если та ее не заметит.

Мне хотелось не просто вылечить себя, но также найти способы познакомить детей со смертью в раннем возрасте, чтобы потом первая встреча с ней их не травмировала. План был прост. Представьте себе: прекрасное похоронное бюро, изысканно обставленное и современное, но не лишенное очарования Старого Света. Я собиралась назвать его «La Belle Mort», что в переводе с французского значило «Красивая смерть». По крайней мере, я была практически уверена, что это так переводится. Мне нужно было несколько раз все проверить, прежде чем открывать свое похоронное бюро, потому что мне не хотелось быть похожей на тех девушек, которые приходят в тату-салон и просят набить им китайский иероглиф «надежда», а в итоге получают татуировку с иероглифом «заправка».

Бюро «Красивая смерть» стало бы местом, где семьи могли бы скорбеть по своим умершим родственникам совершенно по-новому. Мне хотелось организовывать веселые похороны. Я решила, что наш патологический страх смерти связан с тем, что мы ассоциируем смерть с мраком и неизбежностью. Чтобы искоренить страх, нужно забыть обо всей чепухе, окружающей традиционные похороны.

В моем похоронном бюро не было бы дорогих гробов, вульгарных цветочных венков, забальзамированных трупов в костюмах, заранее заготовленных панегириков, стопок открыток с закатами и слащавых табличек с надписями, вроде «Она ушла в лучший мир».

Традиции слишком долго нас сдерживали. Пора выбраться из тумана отрицания смерти и начать праздновать. В «Красивой смерти» я устраивала бы вечеринки. Мое похоронное бюро стало бы первой организацией XXI в., превратившей похороны в спектакль. Прах отца можно было бы отправить в космос, начинить им пули и пострелять ими из пистолета или сделать из него украшение, которое вы могли бы носить. Возможно, со временем я начала бы

²⁰ Обсессивно-компульсивное расстройство – психическое расстройство, синдром навязчивых состояний. – Прим. ред.

²¹ Когнитивно-поведенческая терапия – один из видов лечения, который помогает пациентам понять мысли и чувства, влияющие на поведение. Она обычно используется для лечения широкого спектра заболеваний, включая фобии, зависимости, депрессию и тревогу. – Прим. ред.

работать на знаменитостей. Канье Уэст²², скорее всего, захотел бы, чтобы на его похоронах лазерная голограмма с ним в полный рост находилась рядом с трехметровыми фонтанами из шампанского.

Когда в «Вествинде» я ждала, пока сторит пара усопших, то составляла списки услуг, которые я смогу предложить в похоронном бюро «Красивая смерть»: картины из праха, татуировочные пигменты из праха, карандаши и песочные часы, заполненные прахом, стрельба прахом из хлопушки. У моего блокнота для записи идей была простая черная обложка, но его первая страница была украшена наклейками пастельных оттенков с изображениями большеглазых животных, как на картинах Маргарет Кин²³. Тогда мне казалось, что такое оформление делает содержание блокнота более жизнерадостным, хотя сейчас я думаю, что наклейки делали мои записи в десять раз более пугающими.

– Что ты все время пишешь? – спросил Майк, поглядывая на мой блокнот у меня из-за спины.

– Ничего, босс. Думаю о революции в восприятии смерти, – ответила я без нотки иронии в голосе, продолжая писать план похоронного путешествия на лодке, во время которого родственники развеивали бы прах усопшего над водами залива Сан-Франциско под музыку Шуберта «Смерть и девушка», исполняемую струнным квартетом.

В моем воображении «Красивая смерть» была обетованной землей постмодернистских дизайнерских похорон. Теперь, когда я действительно устроилась на работу в похоронную индустрию, все, что мне нужно было делать, это вставать каждый день, надевать свои смехотворно короткие брюки и огромные ботинки, а затем добросовестно выполнять свои обязанности, сжигая тела. Если я буду работать усердно, никто не осмелится заявить, что Кейтлин не заработала свое место в индустрии смерти потом и кровью.

В мире есть много других восьмилетних детей, и если бы я могла сделать для них смерть безопасной, чистой и красивой, мои грехи были бы отпущены, и я сама вышла бы непорочной из пламени крематория.

²² Канье Омари Уэст – американский хип-хоп исполнитель, рэпер, продюсер, композитор и дизайнер. – Прим. ред.

²³ Маргарет Кин – американская художница, получившая известность благодаря портретам женщин и детей. – Прим. ред.

Зубочистки в желе

Даже если вы еще не были на похоронах, знайте, что в мире умирают два человека в секунду. Восемь человек скончалось за то время, пока вы читали предыдущее предложение. Теперь уже 14. Если это кажется вам слишком абстрактным, вот точное число: 2,5 млн людей умирают в США в год. Люди уходят из жизни не все сразу, поэтому живые не замечают этой цифры. Возможно, мы бы обратили на смерть больше внимания, если бы за год не умер ни один человек, а 31 декабря все население Чикаго внезапно скончалось. Или Хьюстона. Или Лас-Вегаса и Детройта в общей сложности. Если умирает не знаменитость и не публичная личность, мы, как правило, не обращаем внимания на смертность населения.

Ежедневно во всем мире умирают два человека в секунду.

Кто-то должен позаботиться о телах людей, которые уже не могут сделать это самостоятельно. Кому-то нужно забирать их из домов и больниц и провозить туда, где мы обычно прячем тела: в морги и офисы коронеров. В «Аду» Данте эту работу выполнял Харон, седовласый демон, который перевозил грешников в ад на лодке по реке Стикс.

В «Вествинде» это была обязанность Криса.

Крис был мужчиной в возрасте около шестидесяти лет, загорелый, с густыми седыми волосами и печальными глазами бассет-хаунда²⁴. Он всегда был безукоризненно чист и носил штаны хаки в сочетании с костюмной рубашкой (официальный стиль по-калифорнийски). Крис понравился мне с первого взгляда. Он напомнил Лесли Нильсена, звезду «Голых пистолетов»²⁵, которого я обожала в детстве.

Крис говорил медленно и монотонно. Он был холостяком: никогда не был женат, детей у него не было. Каждый вечер он возвращался в съемную квартиру, ел тарелку лапши быстрого приготовления и смотрел передачу Чарли Роуза²⁶. Крис был пессимистичным и чрезмерно бережливым, но в какой-то степени он делал меня счастливой, подобно просмотру фильма с Уолтером Маттау²⁷.

Будучи водителем катафалка, Крис формально трудился на Майка, хотя был старше своего начальника и работал в похоронной индустрии дольше. Разговоры Криса и Майка напоминали диалоги из старых комедий. Крис заходил в кабинет Майка и в мельчайших подробностях описывал планируемую поездку в Беркли за телом недавно умершего мистера Кима, упоминая возможные заторы, ремонтные работы на дороге и другие опасности современного мира. Майк кивал и мычал в ответ, старательно игнорируя Криса. Он безотрывно смотрел в монитор компьютера, заполняя свидетельства о смерти, не слушая своего собеседника.

Вывоз умершего человека из дома называется «вызов на дом». Сотрудники похоронных бюро готовы забрать труп в любое время дня и ночи. Согласно правилам похоронной индустрии, человек в одиночку может забирать тела из больниц, домов престарелых и офисов коронеров, но из дома труп разрешено вывозить только вдвоем. Когда в наше бюро поступал вызов на дом, я ехала вместе с Крисом.

Невозможно описать, насколько мне нравилось правило о двух людях. Каталка – это самый неудобный в использовании предмет, когда-либо созданный человеком. Она всегда зловеще пыталась выставить меня в плохом свете перед начальником, гремя и отказываясь

²⁴ Порода гончих собак, выведенная в Англии. – Прим. ред.

²⁵ «Голый пистолет» – комедия Дэвида Цукера 1988 года, в главной роли Лесли Нильсен. – Прим. ред.

²⁶ Американский телеведущий и журналист, известен своим ток-шоу. – Прим. ред.

²⁷ Американский актер-комик. – Прим. ред.

двигаться на поворотах. Каталка – единственная в мире вещь, менее отзывчивая, чем мертвое тело, лежащее на ней. Мысль о необходимости управляться с каталкой в одиночку в чьем-то доме вселяла в меня ужас.

Впервые я поехала на вызов на дом спустя неделю работы в «Вествинде». Мы отправились в Южный Сан-Франциско, чтобы забрать тело миссис Адамс, афроамериканской женщины в возрасте около 50 лет, умершей от рака груди.

Мы с Крисом запрыгнули в его фургон, служивший подобием лодки Харона²⁸. Этот фургон, принадлежащий Крису уже более 20 лет, был белым и без окон. Такие обычно показывают в социальной рекламе, где детей просят не садиться в машины к незнакомцам. У «Вествинда» был служебный автомобиль, темно-синий и гораздо более новый, специально оборудованный для транспортировки трупов, но Крису нравился его фургон.

Когда мы проезжали по огромному мосту, соединяющему Окленд с Сан-Франциско, я сделала ошибку, сказав, каким красивым выглядит сегодня город.

Крис ужаснулся.

– Да, – сказал он, – но ты живешь здесь и должна знать, что в действительности это шумная и грязная преисподняя. Лучше бы весь город закидали зажигательными бомбами. Неизвестно, повезет ли нам вообще проехать по мосту.

– Что значит «повезет ли нам»? – спросила я, все еще думая о возможности бомбежки.

– Подумай о том, как построен этот мост, Кэт, – он всегда называл меня так. – Он держится на 25-метровых столбах, которые просто воткнуты в грязь, как зубочистки в желе. Мы просто парим в воздухе. Ноги моста в любой момент могут переломиться, как тростинки, и мы все умрем.

Я посмеялась чуть более высоким голосом, чем обычно, и уставилась в окно на залив внизу.

Мы подъехали к дому Адамсов спустя 20 минут. На пышность и торжественность катафалков прошлого не было и намека: вместо лошадей, украшенных перьями, были мы с Крисом и его 20-летний неказистый белый фургон.

Прежде чем войти, я попросила Криса снова все повторить. Мне вовсе не хотелось опозориться перед мужем той женщины.

– Не волнуйся, Кэт. С этой работой справится и обезьяна. Я буду раздавать тебе указания, – сказал он.

Когда мы приблизились к дому, стало ясно, что мы будем иметь дело не только с мужем усопшей. Как минимум пятнадцать человек бродили по двору, подозрительно поглядывая на нас, пока мы приближались к дому по дорожке. Зайдя в переднюю дверь, мы оказались в гостиной с высокими потолками, в которой не менее 40 человек стояли вокруг тела женщины. Они тут же замолчали и повернули головы в нашу сторону.

«Прекрасно, – подумала я, – единственные из присутствующих два белокожих человека приехали, чтобы забрать обожаемую ими мать семейства в фургон из социальной рекламы против растления малолетних».

Однако Крис несколько не растерялся.

– Всем здравствуйте! Мы из похоронного бюро «Вествинд: кремация и захоронение». Это миссис Адамс? – спросил он, указывая на бездыханное тело в центре комнаты.

В принципе, было очевидно, что это и есть миссис Адамс, но присутствующим, как мне показалось, понравился его вопрос. Вперед вышел мужчина и представился мистером Адамсом.

Чтобы не стоять без дела, я спросила торжественным тоном:

– Вы были ее мужем?

²⁸ Харон – в греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс. – Прим. ред.

– Девушка, я и есть ее муж. А не был им, – ответил он, бросив на меня испепеляющий взгляд, который дополнили еще 40 таких же взглядов с разных концов комнаты.

«Вот и все, – подумала я. – Это произошло. Я опозорила себя и свою семью. Все произошло».

Однако Крис снова нисколько не растерялся.

– Итак, я Крис, а это Кейтлин, – сказал он. – Можно ли нам забрать ее?

В этот момент родственники обычно покидают комнату, позволяя работникам похоронного бюро сделать с телом все необходимое, чтобы оно исчезло. Однако в тот день семья захотела присутствовать при нашей работе. Это значило, что мой первый опыт вывоза тела из дома будет происходить под взглядом сорока плачущих людей, которые меня ненавидят.

Именно в тот момент я узнала о магии Криса. Он начал детально описывать каждое действие, подобно тому как он в подробностях рассказывал Майку о пробках на дорогах. Он стал объяснять, как вывезти тело миссис Адамс, словно выступал перед целой толпой.

«Сейчас мы пододвинем каталку прямо к кровати, и Кейтлин нажмет на рычаг, чтобы ее опустить. Я возьму простынь со стороны головы, а Кейтлин со стороны ног. Кейтлин переместит ноги на каталку на раз, два, три. Теперь она накроет тело второй простыней и крепко пристегнет его ремнями», – говорил он.

Это продолжалось, пока миссис Адамс, обернутая простыней, не оказалась надежно пристегнутой к каталке. Присутствующие в комнате внимательно следили за процессом, вслушиваясь в голос Криса. Я была благодарна ему за то, что он не выставил меня неумехой. Более того, я даже не чувствовала себя неумехой. Его объяснения заставили меня поверить в то, что я знаю, как нужно действовать. Да я, вне всяких сомнений, всю жизнь была экспертом по вывозу трупов.

Пока мы вывозили миссис Адамс из дома, к нам подошел ее сын. Он был моим ровесником, и его мать была мертва. Он хотел положить цветок на каталку. Я не знала, что сказать, и поэтому пробормотала: «Она, наверное, была потрясающей женщиной. Поверьте мне, я сразу это вижу».

Это, конечно, была ложь. Это был мой первый вызов на дом, и я даже не умела заворачивать тело в простыню, не говоря уже о том, чтобы понимать по атмосфере в комнате, насколько «потрясающим» усопший был при жизни.

«Эм, да, спасибо», – ответил он.

Пока мы с Крисом ехали обратно, а тележка с миссис Адамс дребезжала у нас за спиной, Крис пытался убедить меня в том, что я вовсе не опозорилась.

– Послушай, Кэт, мы приходим к людям в худшие моменты их жизни. Возможно, если бы мы продавали новый дом или машину, они хотели бы иметь с нами дело. Но что они могут от нас получить? Ничего. Мы берем деньги за то, чтобы забрать у них любимого человека. Им хочется этого меньше всего на свете, – сказал он мне. Его слова меня приободрили.

За обычный рабочий день с 08:00 до 17:00 в «Вествинде» можно было сжечь шесть тел (по три в каждой печи).

За неделю – 30 трупов в занятые периоды. Чтобы забрать тело на машине требовалось как минимум 45 минут, а если за умершим нужно было ехать в Сан-Франциско через мост, то гораздо дольше. Тела нужно было забирать постоянно. Крис все время был в отъезде. Как правило, он намеренно вызывался развозить свидетельства о смерти и ездить на почту, только чтобы поменьше видаться с Майком. Я чаще всего оставалась в «Вествинде» и занималась кремацией, так как в большинстве случаев тела можно было забирать поодиночке. Сегодня большинство людей умирает не дома.

Смерть в больнице – относительно новый концепт. В конце XIX века в больнице умирали лишь неимущие и одинокие. Человек того времени в любом случае предпочел бы уйти

из жизни в своей постели в окружении семьи и друзей. Даже в начале XX в. более 85 % американцев умирали дома.

1930 годы ознаменовались «медикализацией» смерти. Увеличение количества больниц скрыло из вида все неприятные картины, запахи и звуки смерти.

Если раньше рядом с умирающим был представитель духовенства, то теперь его место занял врач.

Медицина имела дело с вопросами жизни и смерти, а не воспевала дифирамбы небесам. Процесс умирания стал гигиеничным и контролируемым работниками больниц. Работа врачей и медсестер не вписывалась в концепцию того, что историк Филипп Арьес называл «тошнотворным спектаклем смерти». Стало не принято «заходить в комнату, пахнущую мочой, потом и гангреной». Больницы превратились в место, где умирающие переносили все тяготы смерти, не оскорбляя при этом чувства живых.

В школе нам сказали, что мы не поступим в колледж, не найдем работу и никогда не добьемся успеха в жизни, если не отработаем положенное количество часов на волонтерской работе. Поэтому летом я записалась волонтером в больницу, расположенную в деловом квартале Гонолулу. Там удостоверились, что я не употребляю наркотики и хорошо учусь, а затем выдали мне омерзительную ярко-желтую футболку поло и именной бейдж. После этого меня попросили отчитаться в волонтерском центре.

Волонтерам было разрешено выбрать два места в больнице, в каждом из которых они поочередно работали по неделе. Меня совершенно не интересовали такие популярные опции, как сувенирный магазин и родильное отделение. Я решила, что воздушные шарик с надписью «Выздоровливай быстрее!» и плачущие младенцы непременно испортят мое лето. Итак, моим первым выбором стала регистратура реанимации. Я представляла себя гламурной медсестрой времен Второй мировой войны, вытирающей пот со лбов лихорадочных больных.

Однако работа в реанимации оказалась вовсе не такой, как я ожидала. К моему удивлению, врачи никогда не просили школьницу, стоящую за стойкой регистрации, ассистировать им в процедурах по спасению жизни. Вместо этого я часами смотрела на то, как ужасно напуганные родственники выходят из зала ожидания, чтобы сходить в уборную или купить чашку кофе, и заходят обратно.

Гораздо больше меня устроил мой второй выбор, а именно работа в отделе распределения. Мне нужно было разносить почту и передавать сообщения в разные крылья здания, выкатывать на инвалидном кресле выписанных из больницы старушек к главному входу и, что самое интересное, перевозить трупы в морг, расположенный в подвале. Последняя обязанность была мне особенно по душе. Люди, работавшие там на полную ставку, не понимали моего энтузиазма, но если откуда-нибудь нужно было увезти труп, они великодушно ждали, когда это сделаю я.

Сейчас мне кажется странным, что администрация больницы могла сказать что-то вроде: «Конечно, 15-летняя школьница-волонтер, трупы развозишь ты». Я не думаю, что эта обязанность всегда доставалась юным волонтерам. Честно говоря, я помню облегченное выражение лиц моего начальства, после того как я вымолила у них разрешение на перевозку тел.

Мой начальник Каипо, молодой гаваец, как-то посмотрел в монитор и сказал: «Эй, Кейтлин, хочешь забрать мистера Ямасаки из крыла Пауахи?» Разумеется, я горела желанием забрать мистера Ямасаки.

Когда мы с Каипо пришли в палату, то увидели мистера Ямасаки, лежащего в позе эмбриона на белоснежной больничной койке. Он был похож на мумию с туго натянутой тем-

ной кожей. Из-за болезни и старости он весил не более 40 кг, и любой из нас мог переложить его на каталку одной рукой.

«Ого! Этот парень очень старый», – сказал Каипо. Возраст мистера Ямасаки удивил даже такого ветерана по перевозке трупов, как он.

Каталка, которую мы привезли, имела конструкцию, напоминающую закрывающийся металлический ящик. Мы поместили мистера Ямасаки внутрь ящика и накрыли его крышкой из нержавеющей стали. Со стороны могло показаться, что мы толкаем пустую каталку.

Затем мы втиснулись в лифт, где оказались среди обычных посетителей больницы, держащих в руках цветы и плюшевых медведей и не имеющих понятия о мертвом теле рядом с ними. (Когда вы в следующий раз в больнице увидите двух взрослых людей, толкающих пустую каталку, вспомните о мистере Ямасаки.) Все вышли из лифта задолго до нас. Каипо, мистер Ямасаки и я продолжали спускаться в подвал.

С виду больница была приятным местом, где царила атмосфера выздоровления; там использовалось самое современное оборудование, а стены украшали картины гавайских художников. Все: фальшивая каталка, секретный морг в подвале, – должно было замаскировать смерть, скрыть ее от глаз посетителей. Смерть больного считалась провалом системы медицины; расстраивать пациентов или их родственников не разрешалось.

Каипо и Крис из «Вествинда» в какой-то степени были похожи: они оба были спокойными достойными мужчинами, перевозившими тела тех, кто еще недавно был жив. Для них это была рутинная работа, в то время как любой другой человек счел бы ее одновременно таинственной и омерзительной.

После нескольких вызовов на дом я поняла, что Крис оставался невозмутимым при любых обстоятельствах, даже когда нам приходилось работать в ужасных условиях домов Сан-Франциско. Когда мы поднимались по опасным винтовым лестницам, Крис лишь вздыхал и говорил: «Надо было взять портативные». Под этим выражением он подразумевал портативные носилки, примерно такие, какие используются для транспортировки тел с поля боя. Мы с Крисом пристегивали тело к носилкам и делали все возможное, чтобы вынести их к фургону: тащили их боком, опускали и поднимали, держали над головой.

«Это как мебель переносить, – объяснил Крис. – Геометрия и физика».

Крис оставался одинаково невозмутимым при виде разложившихся тел, тел с огромным лишним весом и откровенно странных тел. Чтобы было понятно, что такое «странное тело», я расскажу об одном случае. Однажды мы приехали в дом, хозяин которого, джентльмен с треугольной бородкой и длинными ногтями, похожий на актера фильмов ужасов Винсента Прайса, провел нас в холодный и полуразвалившийся подвал. Там в углу находился мертвый мужчина, свернувшийся в клубок и смотревший на нас одним глазом. «Это странно, Кэт. Он нам подмигивает. Пойдем за носилками».

Главным правилом транспортировки тел было никогда не сдаваться. Возможно, это банально, но такой была мантра Криса. Он рассказал мне о двухсоткилограммовом теле, которое находилось на третьем этаже заваленного бараклом дома, кишашего тараканами. В тот день его напарник отказался даже попробовать вывезти труп, аргументируя это тем, что вдвоем они ни за что не справятся. «Тогда я просто перестал его уважать, – сказал Крис. – Ненавижу людей, которые не хотят даже попытаться».

За время наших долгих совместных поездок я многое узнала о Крисе. Например, он был одержим воспоминаниями о том, как в 1970-х годах два года проработал на деспотичного прораба на Гавайях. Открыв «Google Карты», я поняла, что в то время он жил всего в трех кварталах от моих родителей-молодоженов и молодого Барака Обамы. (Я представляла себе, как они все вместе оказывались в одном продуктовом магазине или пересекали улицу по одному пешеходному переходу.)

Через несколько недель после поездки к Адамсам мы с Крисом отправились в красивый дом, расположенный на оживленной улице района Марина в Сан-Франциско. Выходя из машины, мы болтали о Гавайях, погоде или тяжелом характере Майка, как вдруг Крис, хватая резиновые перчатки, сказал: «Знаешь, о чем я думаю, Кэт? Мы похожи на ребят из «Криминального чтива». Они сидят в машине и обсуждают сэндвич, а затем идут и вышибают из кого-то мозги. Мы тоже сидим в машине и болтаем, а потом идем забирать мертвецов».

Искренняя улыбка, пусть даже от сотрудника похоронного агентства, гораздо лучше фальшивого сочувствия.

Дверь нам открыла темноволосая женщина в возрасте около 60 лет. Я широко и искренне ей улыбнулась, поняв к тому моменту, что искренняя улыбка гораздо лучше фальшивого сочувствия.

– Я звонила вам несколько часов назад! – закричала она.

– Мадам, мы ехали из Окленда, а сейчас пробки, – сказал Крис своим успокаивающим тоном.

– Мне плевать, моя мама заслуживает лучшего. Она хотела, чтобы все было достойно. Моя мама была достойной женщиной, а ваше поведение не достойно! – продолжала кричать она.

– Мне очень жаль, мадам. Мы о ней позаботимся, не беспокойтесь, – сказал Крис.

Мы прошли в комнату и увидели там «маму». Когда мы достали простынь, чтобы накрыть ее, женщина бросилась на тело своей матери и начала театрально причитать: «Нет, мама, нет, нет! Ты нужна мне, мама! Не покидай меня!»

Вот так должны выглядеть человеческие эмоции. Здесь было все: смерть, потеря, страдания. Я хотела, чтобы меня это тронуло, но я тронута не была.

– Вина, – прошептал Крис.

– Что? – прошептала я в ответ.

– Вина. Я видел это так много раз. Она не приезжала к ней много лет, а теперь ведет себя так, словно жить не может без матери. Это мерзко, Кэт.

Я знала, что он абсолютно прав.

Когда женщина наконец слезла с тела матери, мы обернули труп простыней и вывезли его из дома. Пока мы толкали каталку по улице, прохожие останавливались и глазели. Люди с собаками и мамы с колясками замедляли шаг. Они смотрели на нас так, словно мы были детективами или коронерами, увозящими тело с места страшного убийства, а не двумя работниками похоронного бюро, везущими труп старушки, тихо умершей в своей постели.

Смерть далеко не всегда была окружена скандалом. Когда в начале XIV века Европу накрыла эпидемия бубонной чумы, трупы по несколько дней лежали прямо на улицах. В итоге их увозили на повозках на городские окраины, где были вырыты огромные ямы для массовых захоронений. Один итальянский хроникер писал о том, как мертвые тела наслаивались друг на друга: тела, немного грязи, затем снова тела и снова немного грязи, «как лазанья, состоящая из слоев теста и сыра».

Одна из привилегий развитых стран заключается в том, что людям больше не обязательно смотреть на мертвые тела. За один типичный день в Варанаси, расположенном на берегу индийского Ганга, сжигают от 80 до 100 тел. После очень публичной кремации (которую иногда осуществляют маленькие дети из индийской касты неприкасаемых) кости и прах сбрасывают в воды священной реки. Кремация обходится недешево; в ее стоимость входит дорогое дерево, разноцветный саван и услуги специалиста по сжиганию тел. Семьи, которые не могут позволить себе кремацию, но хотят, чтобы тело дорогого им человека оказалось в водах Ганга, ночью бросают труп в реку и оставляют его там разлагаться. Посетители Варанаси становятся свидетелями того, как распухшие трупы проплывают по течению или

поглощаются собаками. Количество тел в реке настолько велико, что индийское правительство выпускает в воду тысячи плотоядных черепах, чтобы они боролись с «некротическими загрязнителями».

В развитых странах такие неприятные встречи со смертью редки. Сегодня тела перевозят в ничем не примечательных белых фургонах, подобных тому, что водил Крис. Трупы летают по всему земному шару в багажных отсеках самолетов, в то время как ни о чем не подозревающие пассажиры находятся прямо над ними. Мы убрали трупы вниз. Нет, не под землю, а под крышки фальшивых больничных каталок, в животы самолетов и в тайники нашего сознания.

Только когда сложенная работа всех систем нарушается, мы узнаем об их существовании. После урагана «Катрина» газета «Вашингтон Пост» процитировала слова доктора Майкла Остергольма из Центра исследований в области инфекционных заболеваний и политики: «Одним из многих уроков, которые преподавал нам ураган «Катрина», можно считать то, что американцы не привыкли видеть мертвые тела на улицах крупного города». Преуменьшение века, доктор.

За те несколько минут, что мы везли «маму» от парадной двери ее дома до фургона, мы успели слегка взволновать людей с собаками и мам с колясками. Они ощутили дуновение собственной порочности и на минутку задумались о смерти.

Нажми на кнопку

Новости CBS, Сан-Франциско: мужчина в возрасте приблизительно 20 лет намеренно стоял на путях скоростных электропоездов и был насмерть сбит поездом на станции Сан-Франциско в субботу около полудня.

По словам свидетелей, мужчина «стоял прямо напротив приближающегося поезда и ждал, когда тот его сожмет». Представитель железнодорожной организации Линтон Джонсон заявил: «Он не предпринимал никаких попыток уйти с путей».

По словам Джонсона, мужчина был сбит электропоездом, который тащил его еще какое-то время. Из-за происшествия движение поездов на станции было прекращено практически на три часа.

Джейкобу было 22, когда тот встал на железнодорожные пути и ждал, когда поезд лишит его жизни. Он был всего на год младше меня. По Джейкобу нельзя было сказать, что его протащил поезд. Он, скорее, был похож на жертву пьяной драки: небольшие синяки на лице, несколько царапин.

«В прошлом году нам привезли парня, разрезанного поездом пополам», – сказал Майк, совершенно не впечатленный произошедшим.

Главным телесным повреждением Джейкоба было отсутствие левого глазного яблока, которое, должно быть, осталось на путях. Однако правая половина его лица выглядела практически нормально, как будто он мог открыть уцелевший глаз и поддерживать разговор.

Румынский философ Эмиль Чоран однажды сказал, что самоубийство – это единственное право человека, которое нельзя у него отнять. Жизнь может стать невыносимой во всех отношениях, и «мир может забрать у нас все... но никто не может лишить нас права стереть себя с лица земли». Удивительно, но Чоран, человек, «одержимый худшим», умер в Париже, после долгих лет затворничества и мучительной бессонницы.

Скорее всего, Чоран был пессимистом, но сумасшествие и отчаяние могут овладеть нами вне зависимости от наших взглядов на жизнь. В своей книге «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» Ф. Ницше писал: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». Однако он сам лишился рассудка в возрасте 44 лет. Со временем он оказался на полном попечении сестры, чей муж совершил самоубийство в Парагвае.

Несмотря на то, что суицид можно считать жестоким и эгоистичным поступком, я, как мне казалось, поддерживала решение Джейкоба. Если каждый день его жизни был наполнен страданием, зачем ему было продолжать жить и мучиться дальше. Не знаю, что именно толкнуло Джейкоба на самоубийство: психическое заболевание или неослабевающее отчаяние. Не мне было судить о его мотивах, однако я могла судить о том, каким образом он это сделал. И здесь я явно не была на его стороне.

Именно способ самоубийства Джейкоба меня смутил. Все было похоже на спектакль: стоять на путях и смотреть на приближающийся переполненный поезд. В колледже я была управляющей кофейни в кампусе Чикагского университета. Всего за два месяца до моего прихода в «Вествинд» мой бывший коллега повесился в спальне после ссоры со своей девушкой. Тело обнаружила его соседка по комнате. Мне стало не по себе не столько из-за факта его смерти, сколько из-за того, что он обременил всю оставшуюся жизнь тех двух женщин грузом своего самоубийства. Если вы решаете уйти из жизни, справедливо сделать это так, чтобы не причинить вреда другим. Нужно ускользнуть с вечеринки жизни через черный выход, убедившись в том, что другие гости не будут мучиться из-за вашего выбора.

Основной ущерб, который принесла смерть Джейкоба, был финансовый: тысячи людей опоздали на работу, пропустили рейсы из аэропортов Сан-Франциско и Окленда, не успели на важные встречи.

Однако для машиниста, вынужденного смотреть в глаза Джейкоба, будучи не в силах остановить поезд вовремя, ущерб был вовсе не финансовым. Каждый машинист в среднем непреднамеренно убивает трех человек за все время своей работы. Совершение убийства, которое вовсе не планируешь, является самым надежным способом разочароваться в стабильной и даже любимой работе.

Люди, которые в это время ожидали прибытия поезда на платформе, тоже пострадали и отнюдь не в финансовом плане. Они стояли и кричали ему, чтобы он ушел с путей: разве он не замечал приближения поезда? Затем настал момент, когда люди поняли, что парень прекрасно знал о приближении состава, и им не оставалось ничего, кроме как наблюдать за тем, что произойдет дальше. Они, вопреки своей воле, всю жизнь будут помнить это происшествие, сопровождающие его звуки и их собственные крики ужаса.

Майк сказал, что многие из тех людей позавидовали бы моей возможности кремировать Джейкоба. «Возможно, они хотели бы отшлепать его, – заметил Майк. – Это была бы легкая месть».

Но, конечно, эти люди так и не увидели тело. Джейкоб навсегда сохранит свою власть над ними, преследуя их в ночных кошмарах.

Я думала о годах, наполненных воспоминаниями о падении девочки в торговом центре, и испытывала сильнейшее сочувствие к свидетелям трагедии на путях. Мне хотелось настезать открытые двери крематория перед машинистом поезда и пассажирами, чтобы собрать их вокруг тела Джейкоба и сказать: «Смотрите, вот он. Он хотел умереть. Теперь он мертв, но вы – нет. Вы не мертвы».

Осуществление этой фантазии было бы незаконным. В Кодексе правил штата Калифорния ясно сказано, что «уход за усопшим и подготовка к похоронам (или другим вариантам распоряжения человеческими останками) должны быть строго конфиденциальными».

В конце 1800-х годов жители Парижа тысячами приходили в морг ежедневно, чтобы посмотреть на тела неопознанных мертвецов. Люди часами стояли в очереди на вход, в то время как торговцы продавали им фрукты, выпечку и игрушки. Когда подходила их очередь, людей провожали в зал, где тела были выложены на прилавке за большим стеклянным окном. Ванесса Шварц, ученая Парижа конца века, назвала столицу Франции «спектаклем реальности».

Вскоре такие походы в морг стали слишком популярными среди жителей Парижа, и всеобщий доступ туда был закрыт. Морги и сегодня остаются закрытыми, возможно, потому что их работники полагают, что народ будет чересчур заинтересован, и такой интерес считается неправильным. Морги, конечно, можно закрыть, но люди всегда увлекутся чем-то другим, чтобы заполнить пустоту. Невероятная популярность передвижной выставки «Миры тела» (ориг. «Body Worlds») Гюнтера фон Хагенса²⁹, экспонатами которой являются пластинированные тела, свидетельствует о том, что людям как никогда раньше хочется смотреть на мертвецов. Несмотря на слухи о том, что некоторые тела на выставке принадлежат китайским политическим заключенным, «Миры тела» являются самой популярной передвижной выставкой в мире (с начала 2014 года ее посетили 38 млн человек).

Джейкоб жил в штате Вашингтон и приехал Сан-Франциско по неизвестной причине. Его родители распорядились о кремации по телефону, выслав по факсу все необходимые документы и назвав номер кредитной карты, чтобы оплатить наши услуги. Как обычно, мы с Джейкобом были вдвоем, и, когда я загружала его тело в печь, он смотрел на меня своим единственным глазом.

²⁹ Немецкий анатом, который изобрел технику пластинации, позволяющую сохранять живые организмы, и является пропагандистом этого метода. Создатель знаменитой выставки «Body Worlds» – выставки человеческих тел и их частей. – Прим. ред.

Поскольку Джейкоб умер насильственной смертью, его тело отправили на судебно-медицинскую экспертизу, прежде чем доставить его в «Вествинд».

Судебно-медицинская экспертиза проводится врачами, специально обученными расследовать подозрительные или насильственные смерти.

Каждый раз, когда представитель «Вествинда» приезжал, чтобы забрать тело, судмедэксперты выдавали ему все вещи, которые были при покойном: одежду, украшения, кошелек и т. д.

Джейкоб прибыл к нам с рюкзаком. Его родители не хотели, чтобы рюкзак прислали им в Вашингтон по почте, поэтому ему предстояло отправиться в огонь вместе со своим владельцем.

Я поставила рюкзак на стол и расстегнула молнию. «Джекпот», – подумала я, решив, что личные вещи лучше всего помогут мне проникнуть в разум депрессивного сумасшедшего. К моему удивлению, каждая вещь была абсолютно нормальной: сменная одежда, туалетные принадлежности, бутылка чая. Стопка карточек. Наконец-то! Записи суицидального лунатика? Нет. Карточки с китайскими иероглифами.

Я была разочарована. Я рассчитывала найти в том рюкзаке знаки, которые помогли бы мне понять состояние Джейкоба.

– Кэйтлин, положи кошелек в рюкзак перед кремацией, – прокричал мне Майк из своего кабинета.

– Подожди, там что, был кошелек? – ответила я.

– Я сейчас смотрю его удостоверение личности. Здесь есть его студенческий билет, водительские права и билет на автобус до Сан-Франциско. О, а еще карта системы скоростных электропоездов. Это вгоняет в тоску. Он написал что-то на карте. Слово дня: «Антропофагия». Что это значит?

– Понятия не имею. Сейчас посмотрю в интернете. Назови его по буквам, – сказала я.

– А-Н-Т-Р-О-П-О-Ф-А-Г-И-Я.

– Вот черт. Это каннибализм. Синоним к людоедству.

Майк рассмеялся над мрачным смыслом этого слова.

– Да ну. Ты думаешь, это значит, что у него была неутолимая потребность в человеческой плоти? Судя по автобусному билету, он приехал в Сан-Франциско за день до смерти. Почему он не мог покончить жизнь самоубийством в Вашингтоне?

– Вот именно, – ответила я, – зачем ехать в Сан-Франциско, чтобы встать на пути электропоезда?

– Может, он и не пытался умереть. Просто хотел уклониться от поезда или что-то вроде того. Как тот парень из фильма «Останься со мной»³⁰.

– Кори Фельдман? – спросила я.

– Нет, другой.

– Ривер Феникс?

– Нет, не он. Если он действительно пытался это сделать, то у него не получилось.

Когда я помещала Джейкоба в печь, мне было известно лишь то, что это был 22-летний парень из Вашингтона, который изучал китайский и на момент смерти интересовался каннибализмом. За несколько недель до этого я потратила свою первую зарплату на коллекцию дисков с моим любимым сериалом о семейном похоронном бюро «Клиент всегда мертв». В одной из серий Нейт, распорядитель похорон, приходит к одинокому умирающему молодому мужчине, чтобы договориться о его кремации. Мужчина злится и расстраивается из-за

³⁰ «Останься со мной» – драма 1986 года, снятая Робом Райнером по повести Стивена Кинга «Тело». – Прим. ред.

неминуемой смерти и отсутствия поддержки от его семьи. Он спрашивает Нейта, кто нажмет на кнопку кремационной печи, когда внутри нее окажется его тело.

– Тот, кого вы укажете, – ответил Нейт. – У буддистов это делает член семьи. Некоторые люди никого не указывают, и тогда эту задачу выполняет работник крематория.

– Я выберу этого парня.

Этим парнем была я. Работником крематория. Я была «этим парнем» для Джейкоба. Несмотря на то, что он сделал, я не хотела, чтобы он оставался в одиночестве.

Великий триумф (или страшная трагедия, смотря с какой стороны взглянуть) человечества заключается в том, что нашему мозгу понадобились тысячи лет, чтобы прийти к пониманию собственной смертности. К сожалению, мы обладаем самосознанием. Даже если мы придумываем в течение дня кучу необычных способов отрицания конечности жизни, мы все равно знаем, что обречены на смерть и разложение, вне зависимости от того, насколько сильными, любимыми и особенными мы ощущаем себя сейчас. Эта моральная ноша гнетет лишь несколько видов живых существ, населяющих Землю.

Человек понимает, что он рожден, чтобы однажды умереть.

Представьте себя газелью, пасущейся на африканской равнине. На фоне играет музыка из «Короля Льва». Голодный лев издали наблюдает за вами. Он нападает, но сегодня вам удастся убежать. Инстинктивно вы моментально чувствуете тревогу. Опыт и генетика научили вас убегать, чтобы избежать опасности, и вашему сердцу нужно какое-то время, чтобы восстановить нормальный ритм. Однако довольно скоро вы снова начнете радостно есть траву, словно ничего не произошло. Вы будете блаженно жевать, пока лев не вернется для второго раунда.

Человеческое сердце возвращается к нормальному ритму после бегства ото льва, но мы никогда не перестаем думать о том, что битва проиграна. Мы понимаем, что смерть поджидает нас; она влияет на все, что мы делаем, включая нашу потребность тщательно заботиться об умерших.

Примерно 95 000 лет назад группа ранних *Homo sapiens* хоронили друг друга в пещере Кафзех, расположенной на территории современного Израиля. Когда в 1934 году археологи проникли в пещеру, они обнаружили тела, которые были не просто захоронены, а захоронены с определенной целью. На некоторых останках были обнаружены следы красной охры, натурально окрашенной глины. По мнению археологов, охра означает, что люди проводили ритуалы с телами мертвых еще много тысяч лет назад. Например, 13-летний ребенок, останки которого были обнаружены в пещере, был похоронен с оленьими рогами в руках. Мы не можем точно сказать, что думали древние люди о смерти и загробной жизни, но нам наверняка известно, что они думали об этом.

Когда в «Вествинд» приходили семьи, чтобы отдать распоряжения о кремации и похоронах, они сидели в зале для посетителей и нервно пили воду из пластиковых стаканчиков, переживая из-за смерти близкого человека и неприятной необходимости оплачивать ее. Иногда они просили вынести тело усопшего в часовню, чтобы увидеть его в последний раз. Часто часовня была наполнена сотнями людей, рыдающих под траурную музыку, но случилось и так, что там был лишь один скорбящий человек, который тихо сидел рядом с телом в течение получаса, а затем уходил.

Люди приходили в зал для посетителей или в часовню, но в крематории я всегда была одна. Чаще всего я находилась в одиночестве с «задней стороны» здания, как говорил Майк.

В нашем прејскуранте был пункт «кремация при свидетелях», но за первые недели моей работы в «Вествинде» никто такую кремацию не выбирал. Однако однажды к нам пришла семья Хуанг. Когда я приехала на работу в 08:30 утра, то увидела толпу пожилых

азиатских женщин, заполонивших все свободное пространство в подсобке и сооружающих импровизированный алтарь.

– Майк! – крикнула я, направляясь к его кабинету.

– Что случилось? – спросил он с типичным для него равнодушием.

– Что это за люди в подсобке? – спросила я.

– Ах, да, они пришли на кремацию при свидетелях. В часовне для всех не хватит места, поэтому я разрешил им занять и подсобку тоже.

– Но... Но я ведь не знала, что придут родственники, – пробормотала я, до ужаса напуганная тем, что в мое пространство собираются вторгнуться.

– Черт, я думал, что Крис тебе сказал. Не переживай.

Майка события дня никак не беспокоили. Возможно, он мог осуществить кремацию при свидетелях с одной рукой, завязанной за спиной, но для меня это дело казалось неопишимо пугающим. При такой кремации нужно соблюдать определенную очередность: сначала семья прощается с усопшим в часовне, потом тело на каталке привозят в крематорий, а затем начинается процесс кремации, при котором присутствует вся семья. Вся семья присутствует в крематории. Вероятность совершения мной ошибки была не меньше, чем при транспортировке ядерных отходов.

Когда кремация на Западе стала осуществляться не на открытых кострах, а в закрытых промышленных печах, первые печи были сконструированы так, что по бокам у них были небольшие отверстия, через которые родственники могли наблюдать за процессом, как в пип-шоу³¹. Некоторые похоронные бюро требовали, чтобы члены семьи присутствовали при помещении тела в кремационную печь. Однако со временем отверстия в печах были закрыты, а родственников перестали пускать в крематории.

За последние десятилетия похоронная индустрия разработала множество способов отдалить близких усопшего от всех аспектов смерти, которые могли бы их морально травмировать, причем не только в крематории.

Когда у бабушки моей подруги Мары случился инсульт, Мара первым же рейсом отправилась во Флориду, чтобы дежурить у ее смертного одра. В течение недели Мара наблюдала за тем, как ее бабушка не может нормально дышать, глотать, двигаться и говорить. Когда смерть великодушно забрала пожилую женщину, Мара думала, что они с другими родственниками будут присутствовать на похоронах от начала до конца. Однако она ошибалась. Я получила от нее следующее письмо: «Кейтлин, мы просто постояли у открытой могилы. Мне казалось, что мы должны присутствовать при засыпании гроба землей, но нам этого не показали. Мы ушли с кладбища, когда гроб все еще стоял там, не погруженный в землю».

Только после того как семья Мары ушла с кладбища, гроб с телом бабушки был опущен в землю и засыпан торфом с помощью желтых строительных экскаваторов.

Эти современные стратегии отрицания позволяют сосредоточить внимание скорбящих на «радостях жизни», так как жизнь продается гораздо лучше, чем смерть. В одной из крупнейших сетей похоронных бюро рядом с залами для прощаний стоят маленькие электропечи, в которых выпекается печенье. Оно призвано утешать своим ароматом скорбящие семьи в течение всего дня. Шоколадная крошка должна замаскировать запах химических веществ и горящих тел.

Я снова прошла мимо подсобки и кивнула женщинам, которые далеко продвинулись в сооружении алтаря. Они расставляли многочисленные тарелки с фруктами и круглые цветочные венки у основания большой фотографии покойного мистера Хуанга, отца семейства.

³¹ Пип-шоу – эротическое представление, которое может включать в себя самые разные детали. – Прим. ред.

Фотография напоминала портреты, которые часто рисуют в торговых центрах: на ней были изображены голова и плечи пожилого китайского мужчины. Он был одет в строгий костюм и отличался чрезмерно румяными щеками. В качестве фона были нарисованные на компьютере проплывающие облака.

Следуя указаниям Майка, мы с Крисом принесли деревянный гроб с телом покойного в часовню. Когда мы открыли крышку, мистер Хуанг предстал в своем лучшем костюме. Теперь он был уже не тем строгим мечтателем на портрете, а забальзамированным трупом с восковым лицом.

В течение всего утра к покойному приходили все новые члены семьи, каждый из которых приносил фрукты и подарки для украшения алтаря. «Эй, ты! – неодобрительно гавкнула на меня пожилая женщина. – Ты почему в красном?»

Красный цвет, ассоциируемый с радостью, не подходит для похорон в китайской культуре. Вишневое платье, в котором я была в тот день, буквально кричало: «Ха, скорбящие! Я смеюсь над вашими традициями!»

Я хотела объяснить ей, что понятия не имела о том, что семья Хуанга придет в похоронное бюро сегодня, тем более на такую ужасающую процедуру, как кремация при свидетелях. Однако вместо этого я пробормотала извинение и прошаркала вперед.

Майк уже был в крематории и разогревал одну из печей. Когда пришло время кремации мистера Хуанга, Майк настоял на том, чтобы я последовала за ним в часовню. Мы пробрались через толпу родственников усопшего, неодобрительно клацающих языком при виде моего платья, и, выкатив гроб из часовни, повезли его в крематорий. Семья Хуанг, состоящая минимум из 30 человек, пошла за нами и вторглась в то место, которое раньше было моим священным уголком.

Когда мы оказались в крематории, все родственники, включая пожилых женщин, упали на колени и начали рыдать. Плач скорбящих смешивался с ревом кремационной печи. Атмосфера была жуткой. Я стояла у входа с выпученными глазами, словно антрополог, ставший свидетелем неизвестного ранее ритуала.

У китайцев принято нанимать профессиональных плакальщиков для похоронного обряда, чтобы облегчить скорбь, введя толпу в безумное состояние.

Мне было сложно определить, были ли некоторые из людей на полу такими плакальщиками, приглашенными семьей. Была ли вообще такая услуга в Окленде? Их скорбь казалась весьма натуральной. Но я, опять же, никогда раньше не была в ситуации, где настолько большая группа людей позволяет себе быть эмоционально уязвимыми. Здесь и речи не шло о сдержанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.